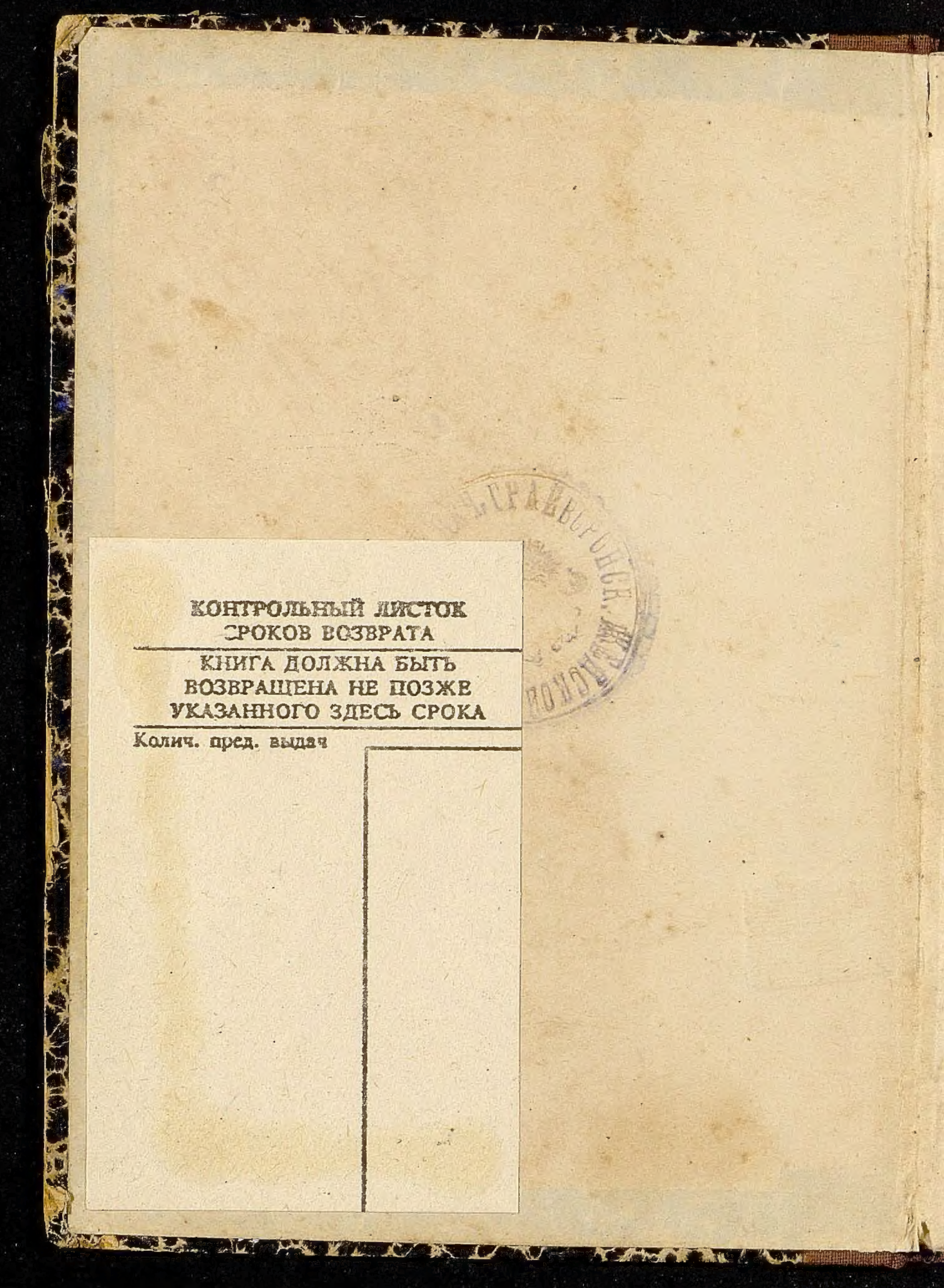

M 110 2451

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

переплетная мастерская
при
НИКИТСКОЙ
церковно-при-
ходской школѣ
Грайворонскаго
уѣзда

СКАЗАНІЕ О ПОДВИГАХЪ

СВЯТАГО, БЛАГОВѢРНАГО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО

СОЧ. И. РЕМЕЗОВА.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1897.

102451

СПСБъ

БЕЛГОРОДСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Дозволено цензурою С.-Петербургъ 15 марта 1897 г.

Типографія И. Н. Скороходова Надеждинская, 43).

Побѣждая вездѣ, а не побѣдимъ николиже
полн. собр. русск. лѣт. V, 177.

СОСТОЯНІЕ РУСИ ДО АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО.

Россія, какъ извѣстно, раскинулась на двѣ части свѣта: Европу и Азію. По нынѣшней европейской Россіи, въ первыя времена послѣ Рождества Христова, происходили постоянныя и безпрерывныя передвиженія различныхъ народовъ, которые перекочевывали преимущественно съ востока на западъ, изъ Азіи въ Европу. Спустя пять, шесть столѣтій, эти передвиженія поутихли, кочевые народы схлынули, и въ странѣ ясно обозначилось населеніе осѣдлое, раскинувшееся отъ моря Балтійскаго до Чернаго и рѣки Дуная, отъ береговъ Вислы и Нѣмана до рѣки Днѣпра; то были предки наши—язычники-славяне.

Раздѣляясь на нѣсколько, другъ отъ друга независимыхъ племенъ, славяне жили отдѣльными семьями, разбросанными на обширныхъ пространствахъ. Такъ какъ предки наши безпрерывно враждовали между собою, то у нихъ была постоянная неурядица, которою и пользовались воинственные сосѣди. Поэтому сѣверныя славянскія племена, для устроенія порядка, рѣшились призвать къ себѣ правителя изъ чужой земли. За Балтійскимъ моремъ, тамъ, гдѣ нынѣ находятся Швеція, Норвегія и Данія, жили воинственные варяги, дѣлившіеся на нѣсколько племенъ, изъ которыхъ одно называлось *русь*. Къ этимъ-то варяго-руссамъ отправились послы прибалтійскихъ

*

славянъ и сказали имъ: «земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ; придите княжить и владѣть нами». На этотъ призывъ откликнулись три брата: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, и прибыли, со своими родичами и приближенными, къ берегамъ Ильменя. Такъ было положено, въ 862 году по Р. Х., основаніе государству, получившему названіе Руси, столицею которой былъ сначала избранъ Новгородъ.

Въ первый вѣкъ своего существованія, Русь, чрезъ завоеванія, быстро раздвинула свои границы на югъ до пороговъ днѣпровскихъ, на западъ—до истоковъ Вислы и западнаго Буга, а на востокъ — до устья Оки и верховьевъ Хопра. Всѣ племена, жившія между этими рубежами, въ первобытной простотѣ нравовъ, признали надъ собою неограниченную власть потомковъ Рюрика и вошли въ составъ Руси, столицею которой сталъ уже Кіевъ.

Пользуясь своими соединенными силами, славяне не только покоряли сосѣднія племена, но предпринимали еще и отдаленные походы на Грецію, отъ чего завелись у нихъ съ этою имперіею также мирныя, торговыя сношенія. Славяне стали ѣздить въ главный городъ ея Византію или Царьградъ, нынѣшній Константинополь, и познакомились тамъ съ ученіемъ евангелія, которое постепенно начало распространяться между ними. Наконецъ, въ 988 году, въ княженіе правнука Рюрика, Владиміра Равноапостольнаго, вся Русь приняла христіанскую вѣру православнаго исповѣданія, которая скрѣпила связь разноплеменныхъ ея обитателей, соединенныхъ первоначально силою оружія, и слила ихъ въ одинъ народъ русскій.

По принятіи христіанской вѣры, проповѣдующей

всеобщую любовь, Русь не могла уже довольствоваться тѣмъ, что привилось къ ней отъ язычества и воинственнаго характера варяговъ. Устройство ея требовало измѣненія, и сынъ св. Владиміра, великій князь Ярославъ I, понявъ нужды своего народа, изданіемъ опредѣленныхъ законовъ довершилъ основаніе русскаго государства.

Несмотря, однако, на все это, сложившаяся Русь еще во многомъ не походила на государство; еще многое въ ней отзывалось семейнымъ, родовымъ бытомъ. Такъ, наприм., не были опредѣлены ни порядокъ престолонаслѣдія, ни взаимныя отношенія князей другъ къ другу. Всѣ потомки Рюрика, какъ принадлежащіе къ одному роду, владѣли русскою землею, какъ семейнымъ достояніемъ, сообща, не раздѣляясь, и каждый изъ нихъ получалъ только во временное управленіе извѣстную область или удѣлъ. Старшій или великій князь владѣлъ старшимъ княжествомъ, старшимъ столомъ, какъ тогда говорили, Кіевомъ; младшіе князья владѣли другими волостями, по старшинству; но всѣ они не владѣли своими волостями вѣчно и не передавали ихъ своимъ дѣтямъ; когда же умиралъ великій князь въ Кіевѣ, то его мѣсто заступалъ не старшій его сынъ, а старшій братъ родной, двоюродный, троюродный, или старшій племянникъ, вообще старшій въ цѣломъ княжескомъ родѣ, причемъ и другіе князья передвигались такимъ же образомъ, по старшинству, изъ одной волости въ другую, изъ худшей въ лучшую. Между тѣмъ, подобныя передвиженія, съ теченіемъ времени, представляли все большія и большія затрудненія и не могли происходить правильно, потому что съ постепеннымъ размноженіемъ Рюриковичей, изъ кото-

рыхъ каждый требовалъ себѣ удѣла, и съ увеличеніемъ запутанности въ родственныхъ связяхъ, право наслѣдія отцовскимъ достояніемъ постоянно сталкивалось съ правомъ старшаго въ родѣ, что служило поводомъ къ безпрерывнымъ спорамъ и несогласіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ не было опредѣлено закономъ: какъ, по смерти отца, младшимъ братьямъ вести себя въ отношеніи къ старшему. Законъ не опредѣлялъ, что младшіе братья обязаны повиноваться старшему, великому князю, точно такъ же, какъ повинуются ему всѣ остальные подданные. Говорилось только, что младшіе братья должны слушаться старшаго, какъ отца, а старшій долженъ любить младшихъ, какъ дѣтей; но это было очень не точно: какъ скоро младшимъ братьямъ казалось, что старшій обходится съ ними не какъ съ сыновьями, что хочетъ больше добра собственнымъ дѣтямъ, то и считали себя въ правѣ вооружаться противъ старшаго; а средства къ этому они имѣли: у каждаго было свое княжество, своя волость, въ которой онъ распоряжался совершенно независимо отъ великаго князя. Кромѣ того, съ одной стороны, на югѣ, въ степяхъ кочевали хищныя орды половцевъ, всегда готовыя, по первому призыву, становиться подъ знамена враждующихъ князей, чтобъ опустошать русскую землю; а съ другой стороны, на западѣ, поляки, венгры и чехи (богемцы) также не отказывались отъ удобнаго случая вторгнуться въ наши предѣлы, съ оружіемъ въ рукахъ. Отъ всего этого внѣшнее расширеніе Руси, послѣ Ярослава I, пріостановилось и замѣнилось упорными и кровопролитными внутренними распрями, продолжавшимися непрерывно почти два вѣка (1054—1238 г.) и извѣстными подъ име-

немъ *борьбы за удѣлы.* Междоусобія Рюриковичей. въ свою очередь, повлекли за собою раздробленіе Руси на множество отдѣльныхъ, независимыхъ другъ отъ друга княжествъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, по способностямъ ихъ правителей и счастливымъ обстоятельствамъ, чрезвычайно усилились. Изъ такихъ владѣній особенно выдвинулись впередъ и сдѣлались замѣтными княжества: суздальское и новгородское.

Въ суздальскомъ княжествѣ утвердилось поколѣніе правнука Ярослава I, Юрія Долгорукаго. Получивъ отъ отца своего, Владиміра Мономаха, въ удѣлъ страну менѣе другихъ обширную (между рѣками Волгою, Клязьмою и Протвою), лѣсистую и малолюдную, съ тремя только городами: Суздалемъ, Ростовомъ и Владиміромъ, Юрій проложилъ въ лѣсахъ дороги, построилъ храмы, обратилъ язычниковъ въ христіанскую вѣру, основалъ города: Переяславль-Залѣсскій. Дмитровъ. Юрьевъ, Москву, правилъ своимъ удѣломъ независимо и, вступивъ на кіевскій престолъ, отдалъ свою отчину сыну, Андрею Боголюбскому, который, по смерти отца своего, отнявъ удѣлы у братьевъ и племянниковъ, утвердилъ свое господство въ сѣверовосточной Россіи, отъ Торжка до предѣловъ смоленскихъ, вятскихъ и рязанскихъ, и, въ доказательство независимости своего княженія, началъ называться великимъ княземъ суздальскимъ. Когда же Кіевъ не хотѣлъ признать его власти, то Андрей взялъ его, въ 1169 году, приступомъ и отдалъ въ управленіе брату своему Глѣбу, потому что не хотѣлъ переселяться въ древнюю столицу Россіи. Нужно замѣтить, что въ то время многіе города рѣшали дѣла свои въ народныхъ собраніяхъ или на вѣчахъ, и

потому Андрей Боголюбскій, по взятіи Кіева, перенесъ столицу во Владиміръ-Залѣсскій (на рѣкѣ Клязьмѣ), въ городъ новый, непривыкшій еще рѣшать дѣла свои на вѣчахъ, самостоятельно, въ которомъ, слѣдовательно, усиленіе княжеской власти не могло встрѣтить сопротивленія. Съ этихъ поръ великое княжество суздальское стало называться также владимірскимъ, а Кіевъ навсегда утратилъ первенство между русскими городами. По смерти Андрея, владимірское княжество долго служило поводомъ къ распрямъ между его братьями и племянниками, пока, наконецъ, великокняжескимъ престоломъ не овладѣлъ Всеволодъ Юрьевичъ, который сдѣлался въ сѣверовосточной Россіи могущественнѣе брата своего Андрея Боголюбскаго. Междоусобіе дѣтей Всеволодовыхъ повлекло раздробленіе суздальской области на многіе удѣлы, изъ которыхъ владимірскій былъ соединенъ съ званіемъ великаго князя, а переяславскій принадлежалъ Ярославу Всеволодовичу, отцу Александра Невскаго.

Княжество новгородское, съ одной стороны, будучи удалено, по своему географическому положенію, отъ средоточія тогдашней русской жизни— Кіева, а съ другой стороны, благодаря особенно счастливо сложившимся историческимъ событіямъ, имѣло возможность установить и развить свое внутреннее устройство совершенно независимо отъ быта другихъ русскихъ княжествъ. И дѣйствительно, это внутреннее устройство представляетъ много особенностей. Прежде всего, нужно замѣтить, что сынъ Владиміра Равноапостольнаго, Ярославъ I, сдѣлавшись, по смерти отца, великимъ княземъ, при содѣйствіи новгородцевъ, даровалъ имъ за это разныя

льготы, на основаніи которыхъ Новгородъ не только считалъ себя независимымъ отъ Кіева, но мало-помалу присвоилъ себѣ право избирать князя по своему произволу. Затѣмъ преемники Ярослава I, занятые междоусобіями, дали сдѣлаться Новгороду еще болѣе самостоятельнымъ, такъ что новгородцы приняли за правило признавать своимъ княземъ только того, кто давалъ клятву держать ихъ по старинѣ, по льготнымъ грамотамъ Ярославовымъ, на всей воли новгородской; если же замѣчали малѣйшій признакъ самовластія, то немедленно изгоняли князя съ безчестіемъ и призывали другого. Отъ этого тамъ являлись одинъ за другимъ князья изъ разныхъ родовъ: суздальскіе, черниговскіе, смоленскіе. Рѣдкій изъ нихъ княжилъ болѣе 3 лѣтъ, и, въ теченіе ста лѣтъ, въ Новгородѣ перемѣнилось до 30 князей. Среди бурныхъ волненій образовалось внутреннее устройство Новгорода, состоявшее, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ: Верховная власть, законодательная и судебная, въ дѣлахъ общихъ, государственныхъ, принадлежала *народному вѣчу* или земскому совѣту, составленному изъ гражданъ новгородскихъ. Собираясь по звону вѣчевого колокола, обыкновенно на дворѣ Ярославовомъ, иногда въ Софійскомъ соборѣ и въ другихъ мѣстахъ, оно опредѣляло миръ и войну; избирало князя, посадника, владыку (архіепископа); судило государственныя преступленія, измѣну; разсматривало самовольныя дѣйствія князя и посадника; назначало по винѣ ихъ наказанія: первому изгнаніе, второму нерѣдко смерть, и удовлетворяло жалобы бѣдныхъ людей на богатыхъ. Иногда на новгородское вѣче призывались выборные отъ другихъ, подвластныхъ городовъ,

называвшихся младшими или пригородами. Власть судебная въ дѣлахъ семейныхъ и по имуществу принадлежала *князю*, избранному народнымъ вѣчемъ. Онъ долженъ былъ наблюдать за внутреннимъ правосудіемъ и заботиться о внѣшней безопасности; для этого онъ имѣлъ свою *дружину*, которая въ мирное время давала судъ и расправу, а въ военное— составляла княжеское войско. Въ награду за свои труды, князь новгородскій пользовался *судными пошлинами* и извѣстными *сборами*. Но какъ въ мирное, такъ и въ военное время, онъ не могъ ни судить, ни распоряжаться новгородскимъ войскомъ безъ избраннаго гражданами посадника. Вообще новгородскій князь былъ только верховнымъ судьею и защитникомъ Новгорода; если онъ не исполнялъ лежавшихъ на немъ обязанностей, то народное вѣче изгоняло его. Власть исполнительная была предоставлена *посаднику*, первому гражданскому сановнику, предсѣдателю народнаго вѣча. Онъ начальствовалъ вмѣстѣ съ *тысяцкимъ* надъ полками новгородскими, велъ переговоры, былъ употребляемъ въ посольствахъ, помогалъ князю въ судѣ и расправѣ, исправлялъ княжескія обязанности, въ случаѣ его отсутствія, вообще же былъ исполнителемъ постановленій народнаго вѣча, которое одно только могло отрѣшить его отъ мѣста, потому что князь не имѣлъ права ни назначать, ни увольнять должностныхъ лицъ, избираемыхъ народнымъ собраніемъ. Жители городскіе раздѣлялись на десятки, каждый подъ начальствомъ своего *десятскаго;* десятскіе зависѣли отъ *сотскихъ,* начальниковъ сотенъ, а сотскіе, въ свою очередь, зависѣли отъ *тысяцкаго* или городоваго воеводы. Власть суда духовнаго принадлежала

владыкѣ или архіепископу, избранному вѣчемъ и утвержденному кіевскимъ митрополитомъ. Владыка, сверхъ того, принималъ еще дѣятельное участіе въ дѣлахъ гражданскихъ, какъ миротворецъ; но также давалъ отчетъ въ своихъ поступкахъ народному вѣчу.

Кромѣ раздробленія Руси на отдѣльныя, независимыя другъ отъ друга княжества и вторженія въ наши предѣлы половцевъ, поляковъ, венгровъ и чеховъ, распри князей за удѣлы до того ослабили ихъ владѣнія, что сѣверозападные сосѣди наши: шведы, ливонскіе рыцари и литовцы не только опустошали русскія области, но даже подчинили нѣкоторыя изъ нихъ своей власти.

Основаніе шведами поселеній близъ нашихъ сѣверныхъ предѣловъ послужило первымъ поводомъ къ неудовольствіямъ. Новгородцы съ опасеніемъ смотрѣли на пришельцевъ, старавшихся обратить въ латинскую вѣру и подчинить своей власти два народа финскаго племени, издавна подвластные Новгороду: емь и корелу. Первый изъ нихъ, называвшійся также ямью, обиталъ въ южной части Финляндіи, а второй въ Кареліи (нынѣшней олонецкой губ.). Съ 1164 г. началась война за вѣру. Русскіе старались вытѣснить шведовъ изъ Финляндіи, а шведы, въ свою очередь, напрягали всѣ свои силы, чтобы удержать ее за собою, и безпрерывно вторгались въ новгородскую область.

Еще упорнѣе была борьба съ ливонскими рыцарями. Страна, извѣстная подъ общимъ названіемъ Ливоніи, заключающая въ себѣ нынѣ Эстляндію, Лифляндію и Курляндію, была искони обитаема народами частью финскаго, частью латышскаго пле-

мени: эстами, чудью, ливами, леттами и корсью. Первые три народа, хотя и зависѣли уже отъ новгородцевъ, псковитянъ и князей полоцкихъ, но еще не были знакомы съ истинами евангельскими и весьма неохотно платили дань. Язычество ливонцевъ обратило на себя вниманіе ревностныхъ нѣмецкихъ проповѣдниковъ, которые искали только удобнаго случая, чтобъ доказать свое усердіе къ римской, т.-е. латинской вѣрѣ. Первымъ проповѣдникомъ христіанства въ Ливоніи, въ 1186 году, былъ монахъ Мейнгардъ; по слѣдамъ его прибылъ съ дружиною Альбертъ Буксгевденъ, который не только положилъ прочное основаніе владычеству нѣмцевъ на р. Двинѣ, построеніемъ города Риги, многихъ костеловъ и замковъ, но приготовилъ и преемникамъ своимъ вѣрное средство къ покоренію всей Ливоніи, образовавъ изъ дружины своей, въ 1201 году, военно-духовное *братство креста Господня* или орденъ *Меченосцевъ*, давшихъ клятву защищать и распространять христіанство въ занятой ими странѣ. Послѣ тридцатилѣтней трудной борьбы съ туземцами, ливонскіе рыцари успѣли огнемъ и мечемъ подчинить большую часть упорныхъ язычниковъ римской церкви. Но, покоряя Ливонію, они старались распространять свое господство и латинскую вѣру и въ славянскихъ земляхъ, отчего вступили въ безпрерывную борьбу съ князьями полоцкими и новгородскими.

Что касается литовцевъ, то они искони обитали въ лѣсахъ, между рѣками Нѣманомъ и Западною Двиною, въ нынѣшней виленской губерніи, и сначала извѣстны были славянамъ смѣлыми набѣгами, цѣлью которыхъ былъ одинъ грабежъ, упорною

привязанностію къ полудикой жизни и грубымъ язычествомъ. Для обузданія этого свирѣпаго народа, со временъ Ярослава I, рѣдкій изъ князей западной Руси не ходилъ въ бѣдную страну литовцевъ, чтобы завоевать ее. При появленіи русскихъ, жители скрывались въ непроходимыя чащи своихъ дремучихъ лѣсовъ, и только въ крайности платили дань звѣриными шкурами, даже лыками и вѣниками. Но частыя вторженія въ Литву, озлобивъ ея обитателей, накликали на Русь враговъ непримиримыхъ, и, во время борьбы за удѣлы, литовцы стали мстить намъ неутомимо, обнаруживая въ набѣгахъ грозную силу, страшную злобу, отчаянную дерзость: нерѣдко, въ жестокую зиму, они вырывались многочисленными толпами изъ своихъ лѣсовъ и съ остервенѣніемъ опустошали сосѣдственныя съ ними русскія княжества.

Но всѣ эти бѣдствія, и внутреннія распри князей, и вторженія безпокойныхъ сосѣдей, были ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что еще ожидало опаленную, окровавленную, изнеможенную Русь. То было татарское иго.

Татары издавна кочевали въ степяхъ средней Азіи. Во время борьбы за удѣлы многочисленныя орды этого хищнаго народа соединились подъ властью одного великаго хана, Темучина, извѣстнаго болѣе подъ именемъ Чингисъ-Хана. Онъ вознамѣрился покорить всю вселенную, и всѣ обширныя государства средней Азіи, одно за другимъ, падали подъ его неотразимыми ударами. Преемникъ его Оготай, слѣдуя правиламъ и намѣреніямъ своего предшественника, направилъ всѣ свои силы на страны азіятскія и европейскія, еще не признававшія его власти.

Татары двинулись опустошать отдаленныя земли четырьмя многочисленными ордами, изъ которыхъ одна, въ 300,000, подъ предводительствомъ племянника Оготая, Батыя, бросилась на Россію. Нападеніе татаръ было неотразимо: они ломились огромными массами, одушевленными одною мыслію грабежа, безусловно покорными одной волѣ и, въ искусствѣ губить человѣчество, не встрѣчавшими соперниковъ. Главными правилами ихъ военныхъ дѣйствій были: дружный ударъ, стремительный натискъ, искусная засада, благовременное отступленіе, отчаянная храбрость въ минуты опасности, смерть трусу, отвѣтственность частныхъ вождей въ случаѣ неудачи, правильное раздѣленіе на отряды и единство въ дѣйствіяхъ. Борьба съ такимъ народомъ была для насъ невозможна; мы съ отчаяннымъ мужествомъ защищали свою свободу; ни одинъ городъ не сдавался безъ сопротивленія; рѣдкій князь бѣгалъ отъ враговъ безъ боя; народъ стоялъ грудью за князей, за вѣру, отбивался въ крѣпостяхъ, въ Божьихъ храмахъ, и лучше хотѣлъ погибнуть въ пламени, въ жестокихъ мукахъ съ женами и дѣтьми, чѣмъ бросить оружіе. Но каждый городъ оборонялся отдѣльно. Самая очевидная опасность не могла примирить князей и соединить ихъ силы для общаго дѣла. Они такъ были ослѣплены, что, зная уже о нашествіи враговъ, продолжали еще свои безконечные споры за первенство. Великій князь могъ располагать только своею владимірскою областью и не имѣлъ никакой власти надъ князьями удѣльными, которые ждали непріятеля въ укрѣпленныхъ городахъ и погибали подъ развалинами съ семействомъ и народомъ. Огненною рѣкою протекли полчища та-

таръ отъ восточныхъ до западныхъ предѣловъ нашего отечества, и въ два похода (1236—1241 гг.) Батый завоевалъ Россію, наложивъ на нее тяжкое иго рабства. Цвѣтущіе города ея и села превратились въ груды развалинъ; несмѣтное множество народа погибло подъ мечами варваровъ или въ пламени своихъ жилищъ; сплошные ряды труповъ означили слѣды побѣдителя; многіе роды княжескіе пресѣклись; уныніе было всеобщее. Опустошивъ Россію, грозный побѣдитель расположился кочевать въ Кипчакѣ, нынѣшнихъ степяхъ астраханскихъ и саратовскихъ. Тамъ, на берегахъ рѣки Ахтубы, въ 50-ти верстахъ отъ устьевъ Волги, Батый построилъ для себя столицу, называвшуюся Сараемъ, откуда онъ и первые его преемники властвовали надъ русскою землею именемъ великаго хана, который, имѣя свой юртъ (ставка) въ глубинѣ Татаріи, между рѣками Орхономъ и Тамиромъ, въ городѣ Каракорумѣ, какъ преемникъ Чингисовъ, былъ верховнымъ повелителемъ татаръ, назначалъ хановъ, начальствовавшихъ отдѣльными ордами, требовалъ отъ нихъ отчета въ управленіи покоренными землями, особенно въ сборѣ податей, и самъ опредѣлялъ налоги. Рабство наше началось съ 1243 года, когда Батый потребовалъ въ Сарай русскихъ князей, принялъ ихъ, какъ вождей покоренной его оружіемъ страны, наложилъ дань и предоставилъ себѣ верховное право располагать судьбою Россіи. Хотя она и удержала свое внутреннее устройство и попрежнему имѣла своихъ князей, великихъ и удѣльныхъ, свой судъ и расправу, свою вѣру, своихъ сановниковъ, свѣтскихъ и духовныхъ, попрежнему воевала и мирилась съ своими сосѣдями, не спрашивая согласія хановъ; но,

несмотря на все это, невыносимо было татарское иго, особенно вначалѣ. Прямымъ, верховнымъ властителемъ Руси былъ ханъ орды Сарайской (Золотой или Кипчакской). Онъ присвоилъ себѣ право раздавать князьямъ области по своему произволу, назначать изъ числа ихъ великаго князя, судить ихъ, въ случаѣ междоусобныхъ споровъ, собственнымъ судомъ или чрезъ пословъ, отнимать у виновнаго княжество и наказывать его самою смертію. Каждый князь, великій или удѣльный, не прежде могъ вступить въ управленіе наслѣдственною областью, какъ получивъ на то ханскій ярлыкъ (грамота) или утвержденіе. Для этого онъ долженъ былъ ѣхать въ орду сарайскую, а въ первые годы рабства—въ Татарію, бить челомъ хану, искать благоволенія его сановниковъ, дарить женъ его, самыхъ служителей, ждать иногда по цѣлому году и часто уступать свое право другому князю, болѣе хитрому, умѣвшему заслужить благосклонность хана. Въ случаѣ немилости ханской, онъ могъ спасти себя и народъ свой однимъ смиреніемъ, дарами, частыми путешествіями въ Сарай. Но не всѣ князья тяготились этимъ; напротивъ, многіе одинъ за другимъ являлись въ орду, клеветали другъ на друга, судились судомъ ханскимъ, набирали толпы татаръ и, при ихъ помощи, изгоняли другъ друга изъ удѣловъ. Вся Русь, за исключеніемъ духовенства, была обложена данью; весь народъ былъ переписанъ поголовно опредѣленными для этого татарскими численниками или баскаками. Русскіе платили безпрекословно все, чего требовали ханы; въ противномъ случаѣ платились своею свободою. Сборъ дани, съ

начала рабства, отдавался ханами на откупъ хивинскимъ, бухарскимъ, еврейскимъ и армянскимъ купцамъ, которые нерѣдко являлись съ татарскими отрядами, брали все, что могли, а въ случаѣ неплатежа ставили должниковъ на правежъ (истязаніе) или отводили въ неволю. Потомъ дань въ орду стала переходить черезъ руки великаго князя, и такъ какъ это служило средствомъ къ обогащенію его собственной казны, то споры за первенство возобновились съ новою силою. Народу оставалось терпѣть, жертвовать имуществомъ и лить кровь за князей ослѣпленныхъ.

Взглянемъ теперь на внутреннее состояніе Руси во время татарскаго ига, на ея гражданское и церковное устройство, на ея бытъ и образованность.

Названіе князя на Руси принадлежало только Рюрикову роду. Князь призывался для того, чтобы заботиться объ утвержденіи порядка въ землѣ, о дѣлѣ военномъ, о законахъ. Князь обыкновенно былъ главнымъ вождемъ, во время войны, и верховнымъ судьею, во время мира. Народъ былъ такъ убѣжденъ въ неизбѣжности княжеской власти, что даже новгородцы не могли жить безъ князя. Князь собиралъ дань съ жителей своей области и, кромѣ того, въ его пользу шли разныя пошлины. Въ случаяхъ важныхъ созывалось, для совѣщаній, народное вѣче. Подлѣ князя видимъ дружину, съ которою онъ обо всемъ совѣтуется, ходитъ въ походы, собираетъ дань, охотится, пируетъ; изъ дружины назначались имъ правители въ города или посадники, воеводы для городскихъ полковъ или тысяцкіе, приставники при разныхъ дѣлахъ и судьи или тіуны. Дружину составляли бояре, отроки и мечники; они же были и главнымъ кня-

1 102451
БЕЛГОРОДСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

жескимъ войскомъ, къ которому присоединялись полки, собираемые изъ остальнаго народонаселенія, городского и сельскаго, а иногда и изъ наемниковъ. Такъ какъ князья были призваны для *правды*, для суда справедливаго, безпристрастнаго, поэтому одною изъ главныхъ заботъ первыхъ князей былъ уставъ земскій, о которомъ они думали съ дружиною, старцами городскими и епископами. Ярославу I приписывается писанный уставъ, извѣстный подъ именемъ *Русской правды*, дополненной впослѣдствіи уставными грамотами другихъ князей. Наказанія за преступленія опредѣлялись денежною пенею, называвшеюся вирою. Когда не было ясныхъ доказательствъ преступленія, то употреблялось испытаніе желѣзомъ, водою, а потомъ ввелись и судебные поединки.

Что касается русской церкви, то она, въ отношеніи управленія, зависѣла отъ константинопольскаго патріарха, который поставлялъ для нея митрополитовъ и произносилъ окончательные приговоры въ дѣлахъ церковныхъ. Митрополитами были обыкновенно греки; изъ русскихъ были только при Ярославѣ I—Иларіонъ (1051 г.) и при Изяславѣ Мстиславичѣ—Климентъ (1147 г.); оба были поставлены соборомъ русскихъ епископовъ, безъ вѣдома патріарха; но потомъ митрополиты опять присылались въ Кіевъ изъ Константинополя. Митрополитъ, съ своей стороны, поставлялъ епископовъ во всѣ епархіи, съ согласія тамошнихъ князей.

Народонаселеніе Руси дѣлилось на городское и сельское. Городомъ называлось огороженное, укрѣпленное мѣсто, устроенное для защиты отъ непріятеля или для безопасности князей, во время ихъ распрей между собою. Несмотря на это, каменныя

стѣны у городовъ были рѣдкостью; большею частью онѣ были деревянныя. Въ тѣхъ городахъ, которые возникли ранѣе, какъ напр. Кіевъ, Новгородъ. Псковъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Ростовъ, были народныя собранія или вѣча; но въ новыхъ городахъ о вѣчахъ, объ уговорахъ горожанъ съ князьями не слыхать. Города богатѣли отъ торговли, и такъ какъ самая бойкая торговля въ древней Руси производилась на пространствѣ между Балтійскимъ и Чернымъ морями, на этомъ водномъ пути, соединявшемъ сѣверную Европу съ южною, то самыми богатыми городами были тѣ, которые находились на оконечностяхъ этого пути —Кіевъ на югѣ и Новгородъ на сѣверѣ. Кіевъ преимущественно торговалъ съ греками, а Новгородъ съ сосѣдями нѣмцами. Въ селахъ жили или свободные земледѣльцы, или челядь, рабы, принадлежавшіе владѣльцамъ земель; свободные сельскіе жители управлялись старостами.

Занимаясь земледѣліемъ, рукомеслами и торговлею, предки наши не чуждались и умственной жизни. Единственнымъ языкомъ во всей русской землѣ было прежде одно нарѣчіе—славянское; имъ говорили князья, бояре, люди духовные и свѣтскіе; на немъ совершали божественную службу, писали законы, церковныя книги, лѣтописи или погодныя записи о событіяхъ. Но съ теченіемъ времени явилось различіе между языкомъ книжнымъ и разговорнымъ: первый, принявшій многіе слова и обороты греческіе, введенные переводомъ библіи, былъ употребляемъ при священнодѣйствіи и въ церковныхъ книгахъ. Будучи какъ бы скованъ подражаніемъ языку библейскому, онъ не расширялъ своихъ предѣловъ. Языкъ же разговорный былъ живѣе, разнообразнѣе, не боялся

чуждыхъ словъ и оборотовъ, если они выражали новыя понятія и мысли, и смѣло заимствовалъ ихъ изъ сосѣдственныхъ нарѣчій скандинавскихъ, польскихъ, венгерскихъ, половецкихъ и татарскихъ. Отъ этого мало-по-малу образовалось два языка: церковно-славянскій (прежній книжный) и русскій (прежній разговорный). Съ распространеніемъ христіанства распространилась и грамотность, потому что и князья, и простые люди хотѣли въ книгахъ найти подтвержденіе и объясненіе проповѣдуемаго духовенствомъ. Изъ уцѣлѣвшихъ и дошедшихъ до насъ сочиненій временъ борьбы за удѣлы особенное обращаютъ на себя вниманіе: *Лѣтописи* монаха Кіево-Печерской лавры, преподобнаго *Нестора и его продолжателей*, *Поученіе Владиміра Мономаха своимъ дѣтямъ*, *Слово о полку Игоревѣ* или сказаніе (мѣрною рѣчью) о несчастномъ походѣ сѣверскихъ князей на половцевъ, и другія.

Таково было состояніе Руси, когда на великокняжескій престолъ вступилъ Ярославъ II Всеволодовичъ, отецъ Александра Невскаго.

ЮНОСТЬ АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО.

Александръ Ярославичъ, прозванный Невскимъ, былъ сынъ великаго князя владимірскаго Ярослава II Всеволодовича и великой княгини Феодосіи. Чья была дочь эта Феодосія, въ достовѣрности неизвѣстно, потому что, по сказанію лѣтописцевъ, Ярославъ имѣлъ не одну жену. Въ первый разъ онъ былъ женатъ на дочери хана половецкаго Юрія Кончаковича; а второю женою его была дочь князя галицкаго Мсти-

слава Мстиславича Удалого. Кромѣ того, называютъ еще шурина Ярославова князя Георгія Псковскаго; поэтому, если послѣдній не былъ сыномъ Мстислава, то должно полагать, что отецъ Александра Невскаго былъ женатъ еще въ третій разъ. Затѣмъ извѣстно, что Ярославъ имѣлъ отъ Феодосіи девять сыновей, изъ которыхъ старшимъ былъ Федоръ, умершій въ 1233 году, а вторымъ Александръ Невскій, и что Феодосія скончалась въ Новгородѣ, въ 1244 году, будучи наименована въ постриженіи, передъ смертью, Евфросиніею и погребена въ Георгіевскомъ монастырѣ [1]). Когда родился Александръ также нѣтъ опредѣленныхъ свѣдѣній, хотя нѣкоторые и считаютъ днемъ его рожденія 30 мая 1220 года [2]).

Ярославъ II Всеволодовичъ, до вступленія своего на владимірскій престолъ, княжилъ первоначально въ удѣлѣ своемъ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, а потомъ, именно въ 1215 году, былъ призванъ новгородцами; но онъ не умѣлъ поладить съ жителями вольнаго города и нѣсколько разъ, по случаю неудовольствій, уѣзжалъ отъ нихъ въ свой удѣлъ, откуда снова призывался каявшимися въ своей строптивости новгородцами, которыхъ постоянно тревожили безпокойные сосѣди ихъ: ливонскіе рыцари, литовцы и ямь.

Такимъ образомъ, въ 1228 году, Ярославъ, призванный уже въ третій разъ княжить въ Новгородѣ, отправился съ посадникомъ и тысяцкимъ въ Псковъ, желая подчинить его своей власти. Тамъ, между тѣмъ, пронеслась вѣсть, что князь новгородскій везетъ съ собою оковы и хочетъ ковать лучшихъ мужей. Поэтому псковичи затворились въ городѣ и не пустили его къ себѣ. Ярославъ возвра-

тился въ Новгородъ, созвалъ вѣче на владычнемъ дворѣ и объявилъ гражданамъ, что не мыслилъ никакого зла на псковичей: «Я, говорилъ онъ, везъ къ нимъ не оковы, а дары въ коробьяхъ, ткани дорогія, овощи, а они меня обезчестили»; и много жаловался на нихъ новгородцамъ. Вскорѣ послѣ этого привелъ онъ полки изъ Переяславля, съ тѣмъ, чтобы идти на Ригу. Псковичи, узнавъ объ этомъ, заключили отдѣльный миръ съ ливонскими рыцарями или нѣмцами, какъ называетъ ихъ лѣтописецъ, и дали имъ 40 человѣкъ въ заложники, съ условіемъ, чтобы они помогли имъ, въ случаѣ войны съ новгородцами. Но послѣдніе также заподозрили Ярослава, стали говорить: «Князь-то насъ зоветъ на Ригу, а самъ хочетъ идти на Псковъ». Ярославъ опять послалъ сказать псковичамъ: «Ступайте со мною въ походъ: я зла на васъ не думалъ никакого, а тѣхъ мнѣ выдайте, кто наговорилъ вамъ на меня». Псковичи велѣли отвѣчать ему: «Тебѣ, князь, кланяемся, и вамъ, братья новгородцы, но въ походъ нейдемъ, и братьи своей не выдаемъ, а съ рижанами мы помирились; вы къ Колываню (Ревелю) ходили, взяли серебро и возвратились ничего не сдѣлавши, города не взявши, также и у Кеси (Вендена), и у Медвѣжьей головы (Оденпе), и за то нашу братью нѣмцы побили на Чудскомъ озерѣ, а другихъ въ плѣнъ взяли; нѣмцевъ только вы раздразнили, да сами ушли прочь, а мы поплатились. А теперь на насъ что-ли идти вздумали? такъ мы противъ васъ съ святою Богородицею и съ поклономъ: лучше вы насъ перебейте, а женъ и дѣтей нашихъ въ полонъ возьмите, чѣмъ поганые; на томъ вамъ кланяемся». Тогда новгородцы сказали князю: «Мы

безъ своей братьи, псковичей, нейдемъ на Ригу, а тебѣ, князь, кланяемся»; много уговаривалъ ихъ Ярославъ, но всё понапрасну: «вѣси, княже, новгородцевъ и псковичъ, говорили они, якоже хотятъ, тако и творятъ». Будучи оскорбленъ такимъ равнодушіемъ къ нему, Ярославъ, въ досадѣ и гнѣвѣ, уѣхалъ въ Переяславль, оставивъ въ Новгородѣ двухъ юныхъ сыновей своихъ, Федора и Александра, подъ надзоромъ дядьки Федора Даниловича и тіуна Якима [3]). Вслѣдъ за тѣмъ начались въ Новгородѣ волненія. Осенью полили сильные дожди день и ночь, съ Успеньева дня до Николина не видать было солнца; ни сѣна нельзя было добыть, ни пашни пахать; житницы стояли пустыя. Народъ обвинилъ во всемъ этомъ новаго новгородскаго владыку Арсенія; собрали вѣче на Ярославовомъ дворѣ и пошли на дворъ владычинъ, крича: «Это изъ-за Арсенія такъ долго стоитъ у насъ тепло; онъ выпроводилъ прежняго владыку Антонія въ Хутынскую обитель, а самъ сѣлъ, задаривши князя»; вытолкали его за ворота, какъ злодѣя, чуть-чуть не убили; едва успѣлъ онъ запереться въ Софійской церкви, откуда пошелъ въ Хутынь монастырь. На его мѣсто опять вывели прежняго архіепископа Антонія; но этимъ дѣло не кончилось; волненіе увеличивалось все болѣе и болѣе; вооружились и пошли съ вѣча на тысяцкаго Вячеслава, разграбили дворъ его, дворъ брата его Богуслава, дворъ Андреича, владыкина стольника, и другихъ. Послали грабить и дворъ старосты Душильца, а самого хотѣли повѣсить; но онъ успѣлъ убѣжать къ Ярославу; тогда взяли его жену, говоря: «Эти люди наводятъ князя на зло». Отнявъ должность тысяцкаго у Вячеслава и давъ ее Борису

Нѣгочевичу, новгородцы послали сказать князю Ярославу, чтобы онъ немедленно ѣхалъ въ Новгородъ, снялъ новыя пошлины, судей своихъ по волости не разсылалъ и, наблюдая въ точности льготныя грамоты Великаго Ярослава, дѣйствовалъ во всемъ, сообразно съ уставомъ новгородской вольности, или же, говорили ему послы вѣча, *ты собѣ, а мы собѣ.* Еще князь не успѣлъ дать отвѣта, какъ Федоръ Даниловичъ и Якимъ, которымъ не нравилось самоуправство новгородцевъ, взявъ двухъ княжичей, тайно, во вторникъ ночью, на первой недѣлѣ великаго поста, уѣхали къ Ярославу. «Что-жъ это они побѣжали, сказали тогда жители вольнаго города, развѣ какое зло задумали на св. Софію? а мы ихъ не гнали, только братью свою казнили, а князю никакого зла не сдѣлали, пусть на нихъ будетъ Богъ и крестъ честный, а мы себѣ князя промыслимъ». И поклялись они другъ другу въ единодушіи. Черезъ два года, однако, новгородцы въ четвертый разъ призвали Ярослава, который далъ имъ на вѣчѣ торжественную клятву дѣйствовать во всемъ согласно съ древними обыкновеніями ихъ вольности; но черезъ двѣ недѣли опять уѣхалъ въ Переяславль-Залѣсскій, вторично оставивъ въ Новгородѣ сыновей своихъ Федора и Александра [4]). Когда же, въ 1233 году, Федоръ скончался, а Ярославъ II Всеволодовичъ, въ 1236 году, вступилъ на кіевскій престолъ, то Александръ Ярославичъ, съ согласія новгородцевъ, началъ одинъ княжить у нихъ [5]), и скоро слава его пронеслась по всей землѣ русской.

Новгородцы гордились своимъ княземъ Александромъ, который, по словамъ современника, соста-

вившаго сказаніе о его подвигахъ, былъ высокаго роста, имѣлъ сильный, звучный, какъ труба, голосъ, лицо Іосифа прекраснаго, силу Самсона, премудрость Соломона и храбрость царя римскаго Веспасіана, потому что вездѣ побѣждалъ, а самъ нигдѣ не былъ побѣжденъ. Приходилъ въ Новгородъ, говоритъ лѣтописецъ, отъ западныхъ странъ знаменитый рыцарь, именемъ Андреяшъ, видѣлъ Александра и, возвратясь въ свою землю, разсказывалъ: «прошелъ я много странъ и народовъ, но нигдѣ не видѣлъ такого, ни въ царяхъ царя, ни въ князьяхъ князя» [6]). Въ 1239 году юный князь новгородскій женился на дочери полоцкаго князя Брячислава—Александрѣ. Вѣнчался онъ въ Торопцѣ, а въ Новгородѣ вторично праздновалъ свою свадьбу. *Въ Торопчи кашу чини, а въ Новгородѣ другую*, сказано въ лѣтописяхъ [7]). Но семейныя дѣла не отвлекали его отъ дѣлъ ратныхъ. Онъ укрѣпилъ берега Шелони, чтобъ защитить новгородскую область отъ внезапныхъ нападеній чуди [8]), и старался окружить себя храбрыми витязями, предвидя, что миръ, во времена общихъ разбоевъ, не могъ быть продолжителенъ.

Дѣйствительно, въ то время, когда юговосточная и югозападная Русь гибла подъ мечами татаръ, сѣверозападная принуждена была отбиваться отъ грозныхъ сосѣдей своихъ: литовцевъ, ливонскихъ рыцарей и шведовъ, которые еще ранѣе начали вторгаться въ ея предѣлы. Владимірскому князю, которымъ съ 1238 года былъ Ярославъ II Всеволодовичъ, нельзя было оборонять ее отъ всѣхъ этихъ враговъ: у него было много дѣла и у себя, на востокѣ, при безпрестанныхъ усобицахъ за удѣлы, и при новомъ порядкѣ дѣлъ, по случаю татарскаго ига. По-

этому Новгородъ Великій долженъ былъ взять на свою долю борьбу со шведами, а Псковъ, бѣдный силами Псковъ, принужденъ былъ отражать не менѣе опасныхъ враговъ, литовцевъ и ливонскихъ рыцарей. Такимъ образомъ, Новгородъ и Псковъ, почти одновременно, подверглись сильнымъ ударамъ съ трехъ сторонъ; тѣмъ не менѣе они выдержали ихъ и этимъ были обязаны преимущественно Александру Ярославичу. Силу меча его первые испытали шведы.

НЕВСКОЕ ПОБОИЩЕ.

Шведскій король Эрикъ XI, желая обратить русскихъ въ латинскую вѣру силою оружія, послалъ мужественнаго зятя своего Биргера [9]), воевать новгородскую область. И собралъ Биргеръ великую силу изъ шведовъ, норвежцевъ и финновъ, и поплылъ на многихъ корабляхъ въ Неву, къ устью Ижоры. Надѣясь завоевать Ладогу, Новгородъ и всю его область, онъ гордо и смѣло послалъ сказать Александру: *аще можеши противити ми ся, то я есмь здѣ уже и плѣню землю твою.* Князь новгородскій не выказалъ ни гордости, ни страха предъ послами шведскими, но поспѣшилъ собрать войско, какое только могло явиться на зовъ его. Онъ не имѣлъ времени дожидаться ни полковъ отцовскихъ, ни пока соберутся всѣ силы новгородской волости. Помолясь въ церкви св. Софіи и принявъ благословеніе архіепископа Спиридона, Александръ вышелъ къ малочисленной дружинѣ своей и, желая воодушевить ее, сказалъ ей: «насъ не много, а врагъ силенъ; но Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ; идите съ вашимъ княземъ!» И смѣло выступили новгородцы

въ поле, и въ воскресенье, 15-го іюля 1240 г., приблизились къ берегамъ Невы, гдѣ стояли шведы. Тамъ встрѣтилъ Александра старшина земли ижорской, именемъ Пелгусій [10]), которому была поручена приморская стража, и сообщилъ о силѣ и движеніяхъ непріятеля [11]). Въ шестомъ часу утра новгородцы ударили на шведовъ, и завязалась упорная, кровопролитная битва. Рубились до самаго вечера. Князь и дружина его оказали рѣдкое мужество. Александръ *собственнымъ копьемъ* [12]) *возложилъ печать на лице* Биргера. Храбрый новгородецъ Гаврило Олексичъ гналъ сына его [13]) до самаго корабля и въѣхалъ за нимъ по доскѣ; но былъ сброшенъ вмѣстѣ съ конемъ въ воду; однако вышелъ невредимъ и опять поѣхалъ биться со шведами. Другой новгородецъ, Сбыславъ Якуновичъ, съ однимъ топоромъ смѣло вломился въ середину непріятелей, и много пало отъ руки его. Не уступалъ въ храбрости Якуновичу и княжескій ловчій Яковъ Полочанинъ, съ мечемъ въ рукахъ ворвавшійся въ шведскіе ряды. Новгородецъ Миша, пѣшій, съ отрядомъ своимъ бросился на непріятельскіе корабли, и три изъ нихъ погубилъ. Слуга княжескій Ратмиръ также бился пѣшій; однако враги окружили его со всѣхъ сторонъ, и онъ палъ отъ множества ранъ. Но стоялъ еще златоверхій шатеръ Биргера, и вотъ княжескій отрокъ Савва пробивается къ нему, подсѣкаетъ его столпъ, шатеръ валится, новгородцы провозглашаютъ побѣду и шведы бѣгутъ. Темная ночь спасла остатки непріятелей, но много ихъ легло на мѣстѣ. «Си же вся слышахъ, прибавляетъ лѣтописецъ, отъ господина своего князя Александра Ярославича и отъ иныхъ, иже въ то время обрѣтошася въ той

сѣчи» [14]). Шведы не хотѣли дожидаться утра: набросали три шнеки (судна) трупами своихъ убитыхъ воеводъ и потопили всѣхъ ихъ въ морѣ [15]); а прочихъ, въ великомъ множествѣ, зарыли въ землю и поспѣшили удалиться. Уронъ съ нашей стороны былъ едва замѣтенъ. Изъ новгородцевъ пали въ Невской битвѣ: Константинъ Луготиничъ, Юрята Пинящиничъ, Намѣстъ, Дрочило Нѣздиловъ, сынъ кожевниковъ, а всего, вмѣстѣ съ ладожанами, 20 человѣкъ, «или меньше, то Богъ вѣсть», заключаетъ лѣтописецъ. Александръ же съ честью возвратился въ Новгородъ, здравъ и невредимъ [16]). За эту достопамятную битву благодарное потомство дало ему славное прозваніе Невскаго [17]).

ПОБОИЩЕ ЛЕДОВОЕ.

Новгородцы любили видѣть Александра въ челѣ дружинъ своихъ; но не долго могли ужиться съ нимъ, какъ съ правителемъ, потому что онъ, идя по слѣдамъ отцовскимъ и дѣдовскимъ, дѣйствовалъ самовластно; а для жителей вольнаго города это было стѣсненіемъ ихъ свободы. Такимъ образомъ, въ самый годъ невской побѣды Александръ уѣхалъ съ матерью, супругою и всѣмъ дворомъ къ отцу своему въ Переяславль-Залѣсскій, *распрѣвся съ новгородцы*, какъ сказано въ лѣтописяхъ [18]). Между тѣмъ, нѣмцы взяли городъ Изборскъ; псковичи вышли къ нимъ на встрѣчу, сразились съ ними и были разбиты; а нѣмцы, по слѣдамъ бѣгущихъ, подступили къ Пскову, пожгли посады и окрестныя селенія и цѣлую недѣлю стояли подъ городомъ. Псковичи принуждены были исполнить всѣ ихъ требованія, под-

чинились иноземному управленію и дали дѣтей своихъ въ заложники. Но нѣмцы не удовольствовались однимъ Псковомъ: вмѣстѣ съ чудью напали они на вотскую пятину (нынѣшній петергофскій уѣздъ), завоевали ее, наложили дань на жителей и, намѣреваясь стать твердою ногою въ новгородской волости, построили крѣпость въ копорьемъ погостѣ (у Финскаго залива); по берегамъ Луги побрали всѣхъ лошадей и скотъ, такъ что въ селахъ не только нельзя было земли пахать, но и нечѣмъ; а по дорогамъ въ тридцати верстахъ отъ Новгорода били купцовъ. Тогда новгородцы, угрожаемые непріятелемъ, послали къ Ярославу Всеволодовичу просить себѣ князя, и тотъ далъ имъ другого сына своего Андрея; но надобенъ былъ не Андрей, а Александръ; новгородцы подумали и отправили опять къ великому князю владыку Спиридона и бояръ съ челобитьемъ дать имъ Александра; и далъ имъ Ярославъ опять сына своего Александра [19]).

Пріѣхавъ, въ 1241 году, въ Новгородъ, Александръ прежде всего повѣсилъ виновниковъ возмущенія, по случаю котораго онъ удалился къ отцу своему, а потомъ собралъ войско изъ новгородцевъ, ладожанъ, корелъ и ижорянъ, пошелъ къ Копорью, разрушилъ построенную тамъ нѣмцами крѣпость до основанія и привелъ гарнизонъ ея съ собою въ Новгородъ; часть его отпустилъ на волю, а измѣнниковъ вожанъ и чудь перевѣшалъ [20]). Затѣмъ, въ слѣдующемъ 1242 году, Александръ, желая наказать нѣмцевъ за ихъ намѣреніе покорить славянскія земли, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Андреемъ, пришедшимъ къ нему на помощь съ низовцами (жителями суздальской области), выступилъ къ Пскову [21]), взялъ его, возвра-

тилъ ему независимость и скованныхъ нѣмцевъ и чудь прислалъ въ Новгородъ; семьдесятъ рыцарей и множество простыхъ ратниковъ положили подъ Псковомъ свои головы, а шесть рыцарей взяты въ плѣнъ и замучены. Послѣ этого, нѣмцы, собравъ значительное войско, вознамѣрились подавить новгородцевъ. Александръ, несмотря на зимнее время, двинулся къ нимъ на встрѣчу и вошелъ въ Ливонію; но когда его воины разсѣялись для собранія съѣстныхъ припасовъ [22]), то непріятель разбилъ передовой отрядъ новгородцевъ, бывшій подъ начальствомъ посадникова брата, Домаша Твердиславича, и храбраго Кербета; часть ратниковъ легла на мѣстѣ (въ томъ числѣ и Домашъ), другіе были взяты въ плѣнъ; только немногіе прибѣжали объявить князю о своей неудачѣ. Тогда Александръ, желая занять выгодное мѣсто, отступилъ къ Чудскому озеру, расположилъ свои полки на льду [23]), который, несмотря на весеннее время, былъ еще совершенно крѣпокъ, и сталъ дожидаться непріятеля. Нѣмцы, шедшіе по слѣдамъ новгородцевъ, также вступили на озеро. 5-го апрѣля, въ субботу, съ восходомъ солнца, они бросились на дружину Александра и пробились чрезъ нее. Началась злая сѣча; повсюду, говоритъ лѣтописецъ, былъ слышенъ «трускъ отъ копей ломленія и звукъ отъ мечнаго сѣченія»; замерзшее озеро какъ будто взволновалось и нигдѣ не было видно льду, потому что все затопилось кровью. Наконецъ нѣмцы дрогнули и побѣжали [24]); новгородцы гнали ихъ до берега [25]), на протяженіи семи верстъ; многихъ въ полоньяхъ потопили, а многихъ на пути изрубили. «Се же слышахъ, прибавляетъ лѣтописецъ, отъ самовидца». Вообще въ этой славной битвѣ, извѣстной

въ лѣтописяхъ подъ названіемъ *Ледоваго побоища*, убито нѣмцевъ около 500 человѣкъ [26]); а чуди безчисленное множество и взято въ плѣнъ 50 рыцарей, которыхъ повели пѣшкомъ, съ босыми ногами, подлѣ коней ихъ. Когда торжествующій Александръ сталъ приближаться къ Пскову, то народъ и духовенство съ крестами вышли на встрѣчу къ своему избавителю и славили его подвиги [27]). Ливонскіе рыцари, устрашенные побѣдою новгородскаго князя, съ трепетомъ ожидали его подъ стѣнами Риги, и спѣшили отправить посольство къ датскому королю, умоляя его спасти Рижскую Богоматерь отъ *невѣрныхъ*, жестокихъ россіянъ; а вслѣдъ за тѣмъ прислали съ поклономъ въ Новгородъ; послы ихъ говорили: «что зашли мы мечемъ, Вотъ, Лугу, Псковъ, Летголу, отъ того отъ всего отступаемся; сколько взяли людей вашихъ въ плѣнъ, тѣми размѣняемся: мы вашихъ пустимъ, а вы нашихъ пустите»; отпустили также заложниковъ псковскихъ и помирились [28]).

ПОРАЖЕНІЕ ЛИТВЫ.

Смиривъ нѣмцевъ, Александръ принужденъ былъ выступить въ новый походъ; противъ третьяго врага—литовцевъ, которые, въ это время, по словамъ лѣтописца, *начаша пакостити въ области князя Александра*. Побѣдитель шведовъ и ливонскихъ рыцарей въ нѣсколько дней поразилъ семь ратей литовскихъ; а воины его, ругаясь надъ плѣнными, привязывали ихъ къ хвостамъ лошадинымъ и волокли за собою.

Несмотря на этотъ кровавый урокъ, литовцы не

унялись и, въ 1245 году, снова вторгнулись въ русскія владѣнія, и начали грабить окрестности Торжка и Бѣжецка. Новоторжцы погнались было за ними, но потерпѣли пораженіе и потеряли всѣхъ лошадей. Когда же подоспѣли на помощь тверичи и дмитровцы, подъ начальствомъ Яведа и Кербета, то новоторжцы опять бросились за хищниками; на этотъ разъ литовцы были разбиты подъ Торопцемъ и князья ихъ вбѣжали въ городъ, надѣясь укрыться за его стѣнами. Но на другой день утромъ приспѣлъ Александръ съ новгородцами, взялъ Торопецъ, отнялъ у литовцевъ весь полонъ и перебилъ князьковъ ихъ, человѣкъ 8 или болѣе. Изъ-подъ Торопца новгородскіе полки возвратились назадъ; а Александръ съ одною дружиною своею погнался за литовцами, разбилъ ихъ снова у озера Жизца (псковской губерніи, торопецкаго уѣзда), не оставилъ въ живыхъ ни одного человѣка, побилъ и остатокъ князей ихъ. Послѣ этого онъ отправился въ Витебскъ, откуда, взявъ находившагося тамъ своего сына [29]), возвращался назадъ, какъ вдругъ опять наткнулся на толпу литовцевъ подлѣ Усвята (мѣстечко суражскаго уѣзда, витебской губерніи, при озерѣ того же имени): Александръ ударилъ на непріятеля и снова разбилъ его [30]). Послѣ этого литовцы уже лѣтъ семь не безпокоили новгородскихъ владѣній.

Такъ были отбиты со славою всѣ три врага сѣверозападной Руси.

АЛЕКСАНДРЪ—КНЯЗЬ КІЕВСКІЙ.

Въ 1246 году скончался великій князь Ярославъ Всеволодовичъ и на престолъ владимірскій вступилъ,

по старинѣ, братъ его Святославъ, который утвердилъ племянниковъ своихъ, сыновей Ярослава, въ ихъ удѣлахъ, данныхъ имъ покойнымъ великимъ княземъ. Но не всѣ Ярославичи были, кажется, довольны этимъ распоряженіемъ. По крайней мѣрѣ, Александръ, по смерти отца своего, прибылъ во Владиміръ *въ силѣ тяжцѣ, и бысть грозенъ пріѣздъ его* [31]). Въ то же время Андрей Ярославичъ отправился въ орду, а вслѣдъ за братомъ своимъ поѣхалъ туда и Александръ. Слухи о Невской битвѣ, Ледовомъ побоищѣ и истребленіи семи ратей литовскихъ достигли и береговъ Волги, мѣстопребыванія хана, такъ что, по свидѣтельству лѣтописцевъ, жены моавитскія (татарскія) начали стращать новгородскимъ княземъ дѣтей своихъ: *Молчи*, говорили онѣ, *великій князь Александръ ѣдетъ!* Поэтому понятно, что Батый желалъ, чтобы онъ, подобно другимъ русскимъ князьямъ, прибылъ къ нему въ орду, съ изъявленіемъ покорности. «Александре! прислалъ онъ сказать ему, вѣси ли, яко Богъ покори ми многыя языки; ты ли единъ не хощеши покорити ми ся? но аще хощеши съблюсти землю свою, то пріѣди скоро ко мнѣ, и видиши честь и славу царства моего». Лѣтописецъ прибавляетъ, что ханъ, увидя князя новгородскаго, сказалъ своимъ вельможамъ: «Все, что мнѣ ни говорили о немъ, все правда: нѣтъ подобнаго этому князю», и, почтивъ его, послалъ вмѣстѣ съ братомъ къ великому хану, въ Татарію [32]). Эти путешествія были очень тягостны: нужно было надолго проститься съ родиной, терпѣть голодъ и жажду, отдыхать на снѣгу или на пескѣ, раскаленномъ лучами солнца; кругомъ представлялась голая печальная степь, лишенная зелени и тѣни лѣсовъ,

усѣянная костями несчастныхъ странниковъ; вмѣсто городовъ и селеній, виднѣлись одни только кладбища кочующихъ народовъ; и въ награду за всѣ эти лишенія и труды, что ожидало князей русскихъ въ Татаріи?—оскорбленія и рабство [33]).

Между тѣмъ, въ отсутствіе старшихъ Ярославичей, на Руси произошла важная перемѣна: одинъ изъ младшихъ братьевъ ихъ, Михаилъ, князь московскій, по прозванію Хоробритъ, изгналъ дядю Святослава изъ Владиміра, и самъ сѣлъ на столѣ великокняжескомъ, не имѣя на то рѣшительно никакого права, кромѣ права сильнаго. Впрочемъ, онъ скоро погибъ въ битвѣ съ литовцами, а вслѣдъ затѣмъ возвратились изъ орды и старшіе братья, изъ которыхъ Александръ получилъ Кіевъ и всю русскую землю (т. е. южную Россію), удержавъ за собою Новгородъ и отчину свою Переяславль-Залѣсскій, а Андрею отданъ былъ Владиміръ и вся московская земля. Изгнанный дядя Святославъ ѣздилъ въ орду; неизвѣстно, требовалъ-ли онъ у хана возвращенія великокняжескаго достоинства или нѣтъ; извѣстно только, что не получилъ его и вскорѣ умеръ. Но и между Ярославичами раздѣлъ не былъ совершенно миренъ [34]); братья имѣли большой споръ въ ордѣ за великокняжескій престолъ; однако ханъ основалъ свое рѣшеніе на завѣщаніи Ярослава Всеволодовича. Почему же покойный великій князь завѣщалъ старшему Александру — Кіевъ, а младшему Андрею — Владиміръ, это неизвѣстно. Быть можетъ, особенная любовь къ Андрею, который постоянно оставался при немъ; быть можетъ также, что Ярославъ, желая удержать и южную Русь въ своемъ родѣ, отдалъ Кіевъ Александру, какъ болѣе способному удержать

его. Но если подобное завѣщаніе дѣйствительно существовало, то оно необходимо исключало брата Святослава, тогда какъ лѣтопись прямо говоритъ, что Святославъ утвердилъ племянниковъ на удѣлахъ. какъ распорядился покойный Ярославъ. Впрочемъ, можно согласить оба свидѣтельства: Ярославъ, при жизни, назначилъ Александра въ Кіевъ, Андрей оставался на сѣверѣ; по изгнаніи Святослава Михаиломъ и по смерти послѣдняго, Андрей, желая получить владимірскій столъ, представлялъ, быть можетъ, что старшій братъ его, по распоряженію покойнаго отца, получилъ уже старшій столъ—Кіевъ и русскую землю, и тѣмъ убѣдилъ хана, который, для собственной безопасности, могъ не желать усиленія Александра. Но Александръ, какъ старшій, не могъ быть доволенъ такимъ рѣшеніемъ, потому что Владиміръ давно уже получилъ первенство надъ Кіевомъ, относительно старшинства, и кіевскіе князья давно уже не могли быть безъ владимірскихъ; теперь особенно, когда южная Русь была опустошена Батыемъ, когда Кіевъ, по милости татаръ, представлялъ однѣ развалины, владѣніе имъ не могло быть лестно. Вотъ почему Невскій могъ считать себя вправѣ сердиться на младшаго брата и видѣть въ немъ хищника правъ своихъ [35]). Какъ бы то ни было, но Андрей, по возвращеніи изъ орды, т. е. съ 1249 года, въ теченіе двухъ лѣтъ, спокойно сидѣлъ во Владимірѣ, гдѣ нѣкоторое время оставался и Александръ. Проводивъ останки скончавшихся тамъ двоюроднаго брата своего, князя Владиміра Константиновича, въ Угличъ, и племянника своего, князя Василія Всеволодовича, въ Ярославль, новый кіевскій князь возвратился въ Новгородъ, въ началѣ

1250 года, и былъ принятъ тамъ съ живѣйшимъ восторгомъ [36]).

Замѣчательнѣйшимъ событіемъ этого времени было посольство къ Александру отъ главы римской церкви, папы Иннокентія IV, который велѣлъ сказать ему: «слышали мы о тебѣ, князь, что ты честенъ и дивенъ, и велика земля твоя: поэтому прислали мы къ тебѣ отъ двѣнадцати кардиналовъ (архіепископовъ) двоихъ хитрѣйшихъ — Галда и Гемонта, да послушаешь ученія нашего» [37]). Александръ, подумавши съ мудрецами своими, описалъ папѣ все случившееся отъ сотворенія міра до седьмого Вселенскаго Собора, прибавивъ: «си вся съвѣдаемъ добрѣ, а отъ васъ ученія не пріимаемъ» [38]). Послѣ такого отвѣта посламъ папы оставалось только возвратиться во свояси.

Затѣмъ, въ 1251 году, внутреннее спокойствіе Новгорода было нарушено неурожаемъ; лѣтомъ шли такіе сильные дожди, что водою снесло мостъ на Волховѣ и потопило хлѣбъ и сѣно; а осенній морозъ погубилъ остальное, такъ что новгородцы подверглись голоду. Въ томъ же году заболѣлъ Александръ, и такъ тяжело, что опасались за самую его жизнь, которая была дорога для всего государства, потому что онъ разными средствами благотворилъ своимъ подданнымъ и, какъ замѣчаетъ лѣтописецъ, идя по слѣдамъ отцовскимъ, много передавалъ въ орду серебра и золота на выкупъ полоненныхъ безбожными татарами и за избавленіе этихъ несчастныхъ отъ лютыхъ работъ. Александръ однако выздоровѣлъ и первымъ дѣломъ его послѣ болѣзни было отправленіе посольства къ норвежскому королю Гакону въ Дронтгеймъ, съ предло-

женіемъ, чтобы онъ запретилъ финмаркскимъ своимъ подданнымъ грабить сѣверные предѣлы новгородской области. Кромѣ того, посламъ новгородскимъ дано было порученіе лично узнать дочь Гакона—Христину, на которой Александръ намѣревался женить сына своего Василія. Король норвежскій, согласный на то и на другое, послалъ въ Новгородъ своихъ вельможъ, которые заключили миръ и возвратились къ Гакону съ богатыми дарами; но желаемый съ обѣихъ сторонъ бракъ не состоялся [39]), потому что Александръ, отложивъ до другого, болѣе удобнаго времени семейныя дѣла, спѣшилъ въ орду, откуда возвратился уже великимъ княземъ владимірскимъ [40]).

БОРЬБА АЛЕКСАНДРА СЪ БРАТОМЪ АНДРЕЕМЪ ЗА ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО.

На берегахъ Волги, между тѣмъ, въ это время произошли перемѣны: за старостью Батыя, ордою, а слѣдовательно и Россіею, управлялъ сынъ его Сартакъ. Александръ отправился къ нему, въ 1252 году, съ жалобою на брата Андрея, который, будто бы, отнялъ у него старшинство и не исполняетъ своихъ обязанностей, относительно татаръ, высылая въ орду только часть собираемой дани [41]). Послѣдствіемъ этой поѣздки было то, что Александръ получилъ престолъ владимірскій съ титуломъ великаго князя, а толпы татаръ, подъ предводительствомъ Неврюя, Олабуги Храбраго и Котьи, вторгнулись въ землю суздальскую. Андрей, узнавъ объ этомъ, воскликнулъ: «Что это, Господи! до какихъ же это поръ намъ между собою ссориться и наводить другъ

на друга татаръ; лучше мнѣ бѣжать въ чужую землю, чѣмъ дружиться съ татарами и служить имъ». Собравъ войско, онъ вышелъ противъ враговъ, но былъ разбитъ 26-го іюля 1252 года, подъ стѣнами Переяславля, и бѣжалъ въ Новгородъ; новгородцы однако не приняли его; тогда онъ съ женою и боярами своими удалился въ Швецію, гдѣ былъ принятъ съ честью. Татары взяли Переяславль, убили воеводу Жидислава и супругу брата Андреева Ярослава [42]), захватили дѣтей послѣдняго, поплѣнили жителей, разорили владимірскую область и пошли назадъ въ орду. Затѣмъ Александръ пріѣхалъ княжить во Владиміръ; Андрей также возвратился на Русь и помирился съ братомъ, который помирилъ его съ ханомъ и далъ въ удѣлъ Суздаль [43]).

Вражда Александра съ братомъ Ярославомъ.

Александръ, возвратясь изъ орды, съ торжествомъ въѣхалъ во Владиміръ. Митрополитъ Кириллъ, со всѣмъ духовенствомъ, и граждане, предводимые тысяцкимъ столицы Романомъ Михайловичемъ, встрѣтили его у Золотыхъ воротъ и посадили на столѣ отцовскомъ [44]). Радость была общая. Александръ спѣшилъ оправдать ее попеченіемъ о народномъ благѣ и вскорѣ спокойствіе водворилось въ землѣ суздальской: жители ея, разбѣжавшіеся отъ кровожадныхъ татаръ, снова возвратились въ свои опустѣлые дома, къ своимъ обычнымъ занятіямъ.

Затѣмъ, великій князь былъ обрадованъ, какъ государь и какъ отецъ, подвигами сына своего Василія, оставленнаго имъ, вмѣсто себя, въ Новго-

родѣ, который снова начали тревожить его безпокойные сосѣди. Въ 1253 году литва опять явилась въ области новгородской. но князь Василій съ новгородцами нагнали ее у Торопца, разбили и отняли полонъ. Въ томъ же году нарушили договоръ нѣмцы; пришли подъ Псковъ, сожгли посадъ и хотя многихъ изъ нихъ побили псковичи, но осада самаго города тянулась до тѣхъ-поръ, пока пришелъ на выручку новгородскій полкъ; тогда нѣмцы испугались, сняли осаду и ушли. Но новгородцы не довольствовались освобожденіемъ Пскова, а рѣшились идти опустошить Ливонію; возвратясь въ Новгородъ и приготовясь къ походу, они пошли за Нарову и положили пусту нѣмецкую волость; корелы также ей много зла надѣлали; псковичи, съ своей стороны, не хотѣли оставаться въ долгу, пошли въ Ливонію и побѣдили нѣмецкій полкъ, вышедшій къ нимъ навстрѣчу. Тогда нѣмцы послали въ Псковъ и въ Новгородъ просить мира на всей волѣ новгородской и псковской, и помирились.

Вслѣдъ за радостными извѣстіями объ успѣхахъ новгородскаго оружія, Александръ былъ пораженъ неожиданною вѣстью, что сынъ его, Василій, съ безчестіемъ изгнанъ изъ Новгорода и сидитъ въ Торжкѣ. Нужно замѣтить, что, съ появленіемъ на сѣверѣ отдѣльныхъ отчинъ, у князей ихъ стало обнаруживаться желаніе усиливать эти удѣлы на счетъ другихъ; уже въ Ярославѣ Всеволодовичѣ ясно выказалось такое стремленіе: недовольный своимъ переяславскимъ удѣломъ, онъ, до вступленія на великокняжескій престолъ, старался утвердиться въ Новгородѣ, даже въ Кіевѣ; сынъ его Ярославъ, князь тверской, пошелъ по слѣдамъ отцовскимъ. Въ 1254

году онъ оставилъ удѣлъ свой и отправился съ боярами княжить въ Псковъ [45]), гдѣ приняли его съ большою честью; но Псковъ находился въ тѣсной связи съ Новгородомъ, называясь его младшимъ братомъ, а въ Новгородѣ не всѣ были довольны великимъ княземъ Александромъ, вмѣсто котораго княжилъ теперь сынъ его Василій, и вотъ, въ 1255 году. новгородцы выгнали Василія, и перевели къ себѣ изъ Пскова Ярослава тверского [46]). Но Василій не думалъ уступать дядѣ безъ борьбы и, засѣвъ, по обычаю, въ Торжкѣ. сталъ дожидаться отца своего съ полками, и ждалъ не долго; Александръ, собравъ войско, явился съ двоюроднымъ братомъ своимъ Дмитріемъ Святославичемъ и, присоединивъ къ себѣ сына съ новоторжцами, выступилъ противъ Новгорода; на дорогѣ встрѣтилъ его какой-то Ратишка съ перевѣтомъ: «Ступай, князь, скорѣе, говорилъ онъ, братъ твой Ярославъ убѣжалъ». Не смотря однако на бѣгство князя, новгородцы не хотѣли безусловно покориться Александру, и выстроили два полка: конный—у церкви Рождества Христова, а пѣшій—у св. Ильи, противъ Городища (княжескаго дворца). При этомъ, въ первый разъ, высказались двѣ сословныя партіи: меньшіе или черные люди, собравъ вѣче у св. Николы, сказали: «Братья! а что какъ князь скажетъ: выдайте мнѣ моихъ вороговъ?» Въ отвѣтъ на это всѣ меньшіе цѣловали образъ Богородицы и клялись стать всѣмъ заодно, либо животъ, либо смерть, за правду новгородскую, за свою отчину. Но иначе думали лучшіе люди, заботившіеся только о своихъ личныхъ выгодахъ; имъ хотѣлось побить меньшихъ и ввести князя на своей волѣ [47]). Посадникомъ, въ это время, на мѣсто Твердиславова сына Степана,

былъ Ананія, руководитель простонародья и ревностный защитникъ новгородскихъ вольностей. Предводителемъ же стороны лучшихъ людей былъ Михалко, сынъ послѣдняго посадника, внукъ Твердиславовъ, человѣкъ необыкновенно коварный и властолюбивый. Онъ побѣжалъ уже изъ города къ св. Георгію (къ Юрьеву монастырю), чтобъ оттуда съ своимъ полкомъ ударить на чернь. Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась между меньшими людьми, и они бросились было грабить его дворъ, но были удержаны посадникомъ: «Братья, говорилъ имъ Ананія, если хотите убить Михалка, то убейте прежде меня!» Онъ не зналъ, что Михалко, увѣрявшій его въ своей неизмѣнной къ нему дружбѣ и привязанности, замышлялъ занять его мѣсто, и что лучшіе люди уже порѣшили схватить Ананію и отдать посадничество своему предводителю. Въ благодарность за спасеніе жизни, Михалко, встрѣтивъ Александра, описалъ ему Ананію, какъ перваго мятежника, почему посолъ великаго князя Борисъ, явясь на вѣче, объявилъ народу, что Александръ повелѣлъ сказать: «выдайте мнѣ Ананію посадника, а не выдадите, то я вамъ не князь, и иду на городъ ратью». Новгородцы отправили къ нему съ отвѣтомъ владыку Далмата и тысяцкаго Клима: «Ступай, князь, на свой столъ, а злодѣевъ не слушай, на Ананію и всѣхъ мужей новгородскихъ перестань сердиться». Но князь не слушалъ ни мольбы владыки, ни челобитья Климова и новгородскаго; и три дня стояли обѣ стороны другъ противъ друга съ оружіемъ въ рукахъ; а на четвертый день Александръ прислалъ объявить новое условіе: «Если Ананія лишится посадничества, то помирюсь съ вами». Это требованіе было испол-

нено: Ананія свергнутъ, а на мѣсто его посаженъ Михалко Степановичъ. Тогда Александръ въѣхалъ въ городъ, будучи встрѣченъ у Прикуповича двора архіепископомъ новгородскимъ Далматомъ со св. крестами, въ сопровожденіи всего церковнаго чина, помирился съ новгородцами на всей ихъ волѣ, и, снова посадивъ на княжій столъ сына своего Василія, съ честью возвратился во Владиміръ [48]).

ОПУСТОШЕНІЕ ШВЕДСКАГО ПОМОРЬЯ.

Пользуясь новгородскими неурядицами, шведы, датчане и финны подошли, въ 1256 году, къ новгородскимъ предѣламъ и стали строить на Наровѣ крѣпость; новгородцы, сидѣвшіе въ это время безъ князя, послали въ суздальскую землю къ Александру за полками, разослали и по своей волости собирать войско; непріятель испугался этихъ приготовленій и ушелъ за море [49]). На зиму пріѣхалъ въ Новгородъ великій князь Александръ съ суздальцами, и, взявъ съ собой новгородцевъ, отправился въ походъ; но куда—никто не зналъ; думали, что князь идетъ на чудь; только у Копорья обнаружилось, что Александръ идетъ на подвластную шведамъ ямь (въ южную Финляндію). Многіе изъ новгородцевъ, устрашась дальняго похода, вернулись домой; но великій князь пошелъ съ остальными; путь былъ трудный; войско не видѣло ни дня, ни ночи отъ мятели; переходили горы непроходимыя и многіе погибли въ дорогѣ. Несмотря на все это, русскіе достигли своей цѣли: вошли въ непріятельскую землю, опустошили все поморье, часть жителей перебили, другихъ захватили въ плѣнъ, и на всѣхъ навели страхъ и

ужасъ [50]). Затѣмъ, Александръ, взявъ съ собою двухъ бояръ новгородскихъ, Елевферія и Михайлу Пинещинича [51]), съ честью возвратился въ суздальскую землю [52]).

РАСПРЯ АЛЕКСАНДРА СЪ СЫНОМЪ ВАСИЛІЕМЪ И СМУТЫ НОВГОРОДСКІЯ.

Возвратясь изъ Новгорода, Александръ поспѣшилъ отправиться въ орду, гдѣ, въ это время, произошли большія перемѣны. Въ 1255 году умеръ Батый; ему наслѣдовалъ сынъ его Сартакъ или Сертакъ, вскорѣ также умершій, и Золотая орда досталась брату Батыеву, Берге или Берке. Новый ханъ, по воцареніи своемъ въ 1257 году, поручилъ управленіе Русью намѣстнику своему Улавчію [53]), который принималъ нашихъ князей и дары ихъ. Къ нему-то явился Александръ съ племянникомъ своимъ Борисомъ Васильковичемъ ростовскимъ и братомъ Андреемъ, узнавъ, вѣроятно, о намѣреніи Берке обложить сѣверную Россію, подобно кіевскому и черниговскому княжествамъ, опредѣленною данью, по числу людей. Князья желали отвратить эту тягость, но напрасно: вслѣдъ за ними пріѣхали въ Россію татарскіе численники, сочли всю землю суздальскую, рязанскую и муромскую, поставили десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ, темниковъ, и уѣхали назадъ въ орду; не считали только игумновъ, чернецовъ, священниковъ, клирошанъ и вообще «кто зритъ на св. Богородицу и на владыку, и служитъ св. церквамъ». Такой пропускъ въ переписи дѣлался, вѣроятно, для того, чтобы чрезъ духовенство пріобрѣсти вліяніе на народъ [54]).

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, великій князь, вмѣстѣ съ Борисомъ ростовскимъ, Андреемъ суздальскимъ и Ярославомъ тверскимъ (который, смирившись, снова пользовался дружбою Александра), опять отправился въ орду, вслѣдъ за татарскими численниками, вѣроятно, для удостовѣренія въ исправности вноса дани; но Улавчій потребовалъ, чтобы и Новгородъ былъ подчиненъ общему порядку. Эта злая вѣсть скоро достигла вольнаго города, и смутила его гордыхъ, пылкихъ и независимыхъ жителей; волненіе продолжалось все лѣто; а зимою убили посадника Михалка; «если бы кто добро другъ другу дѣлалъ, прибавляетъ лѣтописецъ, то добро бы и было, а кто копаетъ подъ другимъ яму, тотъ самъ въ нее попадетъ». Вслѣдъ за этимъ, пріѣхалъ въ Новгородъ Александръ съ Борисомъ, Андреемъ и татарскими послами, которые начали требовать десятины и тамги (пошлины); новгородцы не согласились; дали только дары для хана и отпустили пословъ съ миромъ; самъ Василій, сынъ Невскаго, былъ противъ дани и, объявивъ, что не хочетъ повиноваться отцу, который везетъ съ собою оковы и стыдъ для людей вольныхъ, выѣхалъ въ Псковъ, какъ только Александръ пріѣхалъ въ Новгородъ. Великій князь выгналъ его оттуда и отправилъ въ суздальскую область, а совѣтниковъ его, въ числѣ которыхъ былъ какой-то Александръ, наказалъ жестоко: кому носъ отрѣзалъ, кому глаза выкололъ. Несмотря на все это, волненія въ Новгородѣ не прекращались и тою же зимою убили какого-то Мишу [55]; посадничество дали Михаилу Федоровичу, выведенному изъ Ладоги, а тысяцкимъ поставили Жироху. Весь слѣдующій годъ прошелъ однако безъ слуховъ о татарской дани;

только литва пришла съ полочанами къ Смоленску и взяла городъ Войщину [56]) на щитъ; послѣ этого литовцы явились у Торжка, жители котораго вышли къ нимъ на встрѣчу; но, попавъ на засаду, потерпѣли пораженіе и городъ ихъ много пострадалъ.

Въ 1259 году пріѣхалъ съ Низу (изъ суздальской области), быть можетъ, подосланный Александромъ, для устрашенія новгородцевъ и угожденія татарамъ, Михайло Пинещиничъ съ ложнымъ извѣстіемъ: «если не согласитесь на перепись, говорилъ онъ новгородцамъ, то полки татарскіе уже въ низовой землѣ». Новгородцы испугались и согласились; но когда зимою пріѣхалъ Александръ и съ нимъ окаянные татары *сыроядцы* [57]), Беркай и Касачикъ, то въ Новгородѣ опять вспыхнулъ сильный мятежъ. Татары испугались и начали говорить Александру: «дай намъ стражу, а не то убьютъ насъ». Князь велѣлъ стеречь ихъ, по ночамъ, сыну посадничьему со всѣми дѣтьми боярскими. Татарамъ наскучило дожидаться: «дайте намъ число (перепись), или мы уѣдемъ», говорили они. Но въ Новгородѣ и въ настоящемъ случаѣ высказались двѣ враждебныя сословныя партіи: чернь никакъ не хотѣла дать числа: «умремъ честію за св. Софію и за домы ангельскіе», говорила она; но другіе, бо́льшіе люди, требовали согласія на перепись. «Тогда раздвоишася людіе, замѣчаетъ лѣтописецъ, кто доброй, тотъ за святую Софію и за правую вѣру, и сътвориша супоръ; большіе же велятъ нятися за число меншимъ». И сталъ собираться народъ вокругъ Софійской церкви, желая умереть за вѣру, честь и свободу, такъ какъ разнесся слухъ, что татары намѣрены съ двухъ сторонъ ударить на городъ. Тогда

Александръ прибѣгнулъ къ послѣднему средству: съѣхалъ съ Городища, вмѣстѣ съ татарскими численниками; народъ поколебался и согласился; но при этомъ «творяху бо себѣ бояре легко, а меншимъ зло». И начали окаянные татары ѣздить по улицамъ, переписывая домы христіанскіе. Взявъ число, татары уѣхали, предоставивъ самому Новгороду пересылать дань по переписи, или самимъ, или черезъ великаго князя [58]). Вслѣдъ за ними и великій князь Александръ отправился во Владиміръ [59]), оставивъ въ Новгородѣ сына своего Димитрія [60]).

ВОЛНЕНІЯ ВЪ РОСТОВСКОЙ ЗЕМЛѢ И ПОХОДЪ НА ЮРЬЕВЪ.

Въ Новгородѣ стало тихо; но поднялись волненія на востокѣ, въ землѣ ростовской. Около этого времени татары замѣнили своихъ сборщиковъ дани откупщиками харазскими и хивинскими, извѣстными въ нашихъ лѣтописяхъ подъ именемъ *бесерменовъ* *), которые искали только своихъ выгодъ и потому не щадили данниковъ, разоряя ихъ безъ милосердія. Насилія ихъ вывели, наконецъ, несчастный народъ изъ терпѣнія, и въ 1262 году, какъ будто по соглашенію, жители Ростова, Владиміра, Суздаля, Ярославля и Переяславля возстали, по звуку вѣчевыхъ колоколовъ, противъ своихъ притѣснителей, и однихъ убили, а другихъ изгнали. Понятно, что въ ордѣ не могли спокойно смотрѣть на эти возмущенія, и полчища татарскія уже двинулись, чтобы поплѣнить христіанъ; тогда Александръ, чтобы отмолить людей

*) Имя *бесерменовъ*, которые были магометане, было впослѣдствіи перенесено на всѣхъ невѣрныхъ. До сихъ поръ народъ честитъ иновѣрцевъ *бусурманами*.

отъ бѣды, отправился въ пятый разъ [61]) въ орду съ оправданіемъ и съ дарами. Лѣтописцы указываютъ еще и на другую причину путешествія. Татары, не за-долго передъ тѣмъ, требовали отъ Александра вспомогательнаго войска, и потому великій князь хотѣлъ избавить русскихъ отъ тягостной обязанности проливать кровь за своихъ притѣснителей. Съ этою же цѣлью, быть можетъ, онъ поручилъ удѣльнымъ князьямъ, въ числѣ которыхъ находился и сынъ его Димитрій, идти къ отнятому отъ насъ ливонцами Юрьеву (впослѣдствіи Дерптъ), чтобы имѣть передъ ханомъ отговорку, что, по случаю сѣверной войны, нельзя собрать войска. Кромѣ того, этотъ походъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что для борьбы съ нѣмцами, мы видимъ здѣсь въ первый разъ русскихъ князей въ союзѣ съ литовскими, съ которыми новгородцы заключили миръ въ 1262 году. Такимъ образомъ, князь новгородскій Димитрій, братъ Невскаго—Ярославъ тверской, зять Александра—Константинъ Ростиславичъ смоленскій, князь литовскій Миндовгъ и племянникъ его, Товтивилъ полоцкій, уговорились ударить вмѣстѣ на ливонскихъ рыцарей. Товтивилъ привелъ съ собою 500 полочанъ и литовцевъ; а русскаго войска было безчисленное множество. «Служите сыну моему, какъ бы мнѣ самому служили, не щадя жизни», сказалъ Александръ своей дружинѣ, отпуская ее въ походъ съ Димитріемъ [62]). Миндовгъ явился передъ Венденомъ, но, напрасно прождавъ русскихъ, возвратился назадъ, удовольствовавшись однимъ опустошеніемъ страны. Когда ушла литва, явились русскіе полки и осадили Юрьевъ. Нѣмцы сильно укрѣпили его: «былъ городъ Юрьевъ твердъ, говоритъ лѣтописецъ, въ три стѣны каменныя, и множество

людей въ немъ всякихъ, и оборону себѣ пристроили на городѣ крѣпкую». Посадъ былъ взятъ приступомъ и сожженъ; русскіе набрали много полону и товара всякаго, но крѣпости взять не могли и ушли назадъ. Нѣмецкій лѣтописецъ прибавляетъ, что русскіе оставили Юрьевъ, слыша о приближеніи нѣмцевъ, спѣшившихъ на помощь къ осажденному городу, и что непріятель, по слѣдамъ нашихъ, вторгнулся въ русскія владѣнія и опустошилъ ихъ.

Между тѣмъ, Александръ успѣлъ оправдаться въ изгнаніи бесерменовъ и убѣдилъ хана не требовать отъ насъ войска; но это было уже послѣднимъ дѣломъ Невскаго, потому что на возвратномъ пути изъ орды онъ скончался, не доѣхавъ даже до Владиміра [63]).

КОНЧИНА АЛЕКСАНДРА.

Ханъ Берке продержалъ Александра въ ордѣ всю зиму и лѣто. Осенью великій князь пустился въ путь, уже больной. Достигнувъ Нижняго-Новгорода, онъ остановился здѣсь на нѣкоторое время и, почувствовавъ себя нѣсколько лучше, отправился далѣе; но, доѣхавъ до Городца (село нижегородской губерніи, балахн. уѣзда) [64]), занемогъ такъ сильно, что не былъ уже въ состояніи продолжать дороги, и остановился въ городецкомъ Федоровскомъ монастырѣ, гдѣ, предчувствуя близкую кончину свою, постригся, по обычаю того времени, въ иноки, будучи наименованъ при этомъ Алексѣемъ, принялъ схиму и, слыша плачъ вокругъ себя, сказалъ окружающимъ его: *удалитесь и не сокрушайте души моей жалостію!* Въ ту же ночь, 14 ноября 1263

года, Александръ скончался, на сорокъ третьемъ году своей жизни, много потрудившись, прибавляетъ лѣтописецъ, за землю русскую, за Новгородъ и за Псковъ, за все великое княженіе животъ свой отдавая, и за правовѣрную вѣру. Когда слухъ о кончинѣ Александра достигъ Владиміра, то митрополитъ Кириллъ, находившійся въ то время въ столицѣ великокняжеской, объявилъ объ этомъ печальномъ извѣстіи народу, воскликнувъ: «дѣти мои милыя! знайте, что зашло солнце земли русской», и всѣ люди завопили въ отвѣтъ: «уже погибаемъ». Между тѣмъ, бренные останки великаго князя уже приближались къ Владиміру; несмотря на жестокій морозъ, митрополитъ съ духовенствомъ, князья, бояре и все народонаселеніе столицы, отъ малаго до большого, отправились со свѣчами и кадилами на встрѣчу гроба и шли до Боголюбова; не было человѣка, который бы не плакалъ и не рыдалъ; всякому хотѣлось облобызать покойнаго великаго князя. Тѣло Александра было погребено въ пятницу, 23 ноября, въ владимірскомъ монастырѣ Рождества Богородицы, называвшемся тогда *Великою архимандритіею* [65]).

Александръ былъ женатъ на дочери Брячислава полоцкаго—Александрѣ [66]). Кромѣ дочери. Евдокіи, бывшей замужемъ за Константиномъ смоленскимъ, у Невскаго было четыре сына: Василій (умершій въ 1271 году), Димитрій (ум. въ 1294 г.), Андрей (ум. въ 1304 г.) и Даніилъ (ум. въ 1303 г.), родоначальникъ дома князей московскихъ, къ которому принадлежали Димитрій Донской, побѣдитель Мамая, Іоаннъ III, законодатель, и Іоаннъ IV Грозный [67]).

Такъ какъ Александръ Невскій былъ постоянно защитникомъ земли русской отъ безпокойныхъ со-

сѣдей и грозныхъ татаръ, то благодарное потомство причислило его, въ 1547 году, къ лику своихъ ангеловъ-хранителей [68]).

ПЕРЕНЕСЕНІЕ МОЩЕЙ СВ. АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО ИЗЪ ВЛАДИМІРА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Преемники Александра Невскаго постоянно выражали глубокое къ нему уваженіе. Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный, передъ походомъ, въ 1552 году, на Казань, посѣтилъ во Владимірѣ мѣсто его упокоенія [69]). Въ царствованіе Іоанна и Петра Алексѣевичей, устроена была въ 1695 году, въ Москвѣ, для мощей св. Александра Невскаго, новая (деревянная, покрытая вызолоченнымъ окладомъ) рака, въ которую, въ 1697 году, и были переложены останки св. угодника [70]). Петръ Великій, желая упрочить существованіе созданной имъ столицы и посвятить ее св. угоднику, особенно чтимому народомъ, именнымъ указомъ 29 мая 1723 года повелѣлъ: обрѣтающіеся во Владимірскомъ Рождественѣ Монастырѣ мощи св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго перенести въ основанный, въ 1710 г., Александроневскій монастырь [71]). Это высочайшее повелѣніе было исполнено 30 августа слѣдующаго 1724 года, въ день заключенія со шведами, въ 1721 году, Ништадтскаго мира, и мощи св. угодника были положены въ церкви его имени [72]). При этомъ замѣтимъ, что Петръ Великій самъ управлялъ галерою, на которой перевозились останки Александра Невскаго изъ Шлиссельбурга въ Александроневскую лавру. Екатерина I учредила, въ 1725 году, въ честь святаго, благовѣрнаго великаго князя Алек-

сандра Невскаго, особый орденъ [73]). Елисавета Петровна соорудила, въ 1750 году, для мощей св. угодника великолѣпную раку изъ серебра, въ первый разъ при ней добытаго изъ колыванскихъ рудниковъ, въ количествѣ 44 пудъ. 6 фунтовъ и 21 золотника. На ракѣ вырѣзана слѣдующая надпись, сочиненная Ломоносовымъ:

Святый и храбрый Князь здѣсь тѣломъ почиваетъ;
Но духомъ отъ небесъ на градъ сей призираетъ,
И на брега, гдѣ онъ противныхъ побѣждалъ,
И гдѣ невидимо Петру споспѣшствовалъ.
Являя Дщерь Его усердіе святое,
Сему Защитнику воздвигла раку въ честь,
Отъ перваго сребра, что нѣдро Ей земное
Открыло, какъ на тронъ благоволила сѣсть [74]).

Наконецъ, Екатерина II воздвигла въ Александроневской лаврѣ великолѣпный храмъ во имя Пресвятыя Живоначальныя Троицы, въ который, по волѣ ея, и перенесены мощи св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, съ великолѣпнымъ торжествомъ, 30-го августа 1790 года [75]).

ПРИМѢЧАНІЯ *).

1) Исторія Государства Россійскаго, соч. Н. Карамзина; изд. Эйнерлинга; III, прим. 161, 162, 172 и 339, и IV, прим. 1, 38, 39 и 78. Исторія Россіи, соч. С. Соловьева (изд. Тов. Общ. Польза), кн. I, т. III, стр. 804, прим. 5. Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ, соч. А. В. Экземплярскаго. Спб. 1889. I, пр. 42.

2) А. В. Экземплярскій, I, пр. 76.

3) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей; I, 219. III, 43, VII, 134 и XV, 350.

4) Тамъ же; III, 43, 44 и 47 и XV, 350, 351 и 357.

5) Тамъ же; I, 221, III, 50, IV, 30, VII, 138 и XV, 361 и 364.

6) Тамъ же; I, 204, IV, 35, V, 2, 176 и 177, VII, 146 и XV, 376.

7) Тамъ же; III, 52, IV; 34, V, 174 и VII, 144. Карамзинъ, IV, 85, прим. 110, и Повѣствованіе о Россіи, соч. Арцыбашева, II, прим. 257.

8) П. С. Р. Л.; тамъ же.

9) *Король Бергель* (тамъ же, IV, 35). Карамзинъ; IV, прим. 24.

10) Такъ названъ ижорскій старшина въ Первой Софійской и Тверской лѣтописяхъ (П. С. Р. Л., V, 178 и XV, 378); но въ Лаврентьевской онъ наименованъ *Пелгуй* (П. С. Р. Л.; I, 205), въ Новгородской Четвертой—*Пелгусій* (П. С. Р. Л.; IV, 35), въ Псковской Второй—*Пелугій* (П. С. Р. Л.; V, 3) и въ Воскресенской—*Пеглусій* (П. С. Р. Л., VII, 147).

11) Здѣсь въ нѣкоторыхъ жизнеописаніяхъ Александра Невскаго (напр. Сказаніе объ Александрѣ Невскомъ, соч. А. Петрушевскаго, Спб., 1867, стр. 33), согласно лѣтописцу-иноку, по-

---

*) Эти примѣчанія предназначаются преимущественно для учителей начальныхъ школъ, въ видахъ ознакомленія ихъ, какъ съ источниками, на основаніи которыхъ составлено жизнеописаніе великаго князя Александра Невскаго, такъ и съ пріемами критической разработки историческаго матеріала.

мѣщенъ разсказъ о видѣніи Пелгусія, не подлежащій, конечно, оцѣнкѣ исторической критики.

12) Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано *мечемъ* (П. С. Р. Л., V, 178, VII, 148 и XV, 378).

13) Карамзинъ, IV, прим. 25.

14) Ко всему этому въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи прибавлено, что послѣ битвы находили трупы шведовъ и въ такихъ мѣстахъ, куда не проникали новгородцы (П. С. Р. Л., I. 206, IV, 36, V, 179, VII, 148 и XV, 379). Не касаясь сущности этого извѣстія, ограничимся только замѣчаніемъ, что подобною прикрасою повѣствованія біографъ умаляетъ значеніе подвига героя Невской битвы, такъ какъ выходитъ, что Александръ Ярославичъ одолѣлъ шведовъ не личною храбростію, а при помощи сверхестественныхъ силъ.

15) По Новгородской Первой Лѣтописи, шведы наполнили трупами *двѣ* шнеки и, кромѣ того, тамъ сказано: *прежe себе пустиша и къ морю* (П. С. Р. Л., III, 53).

16) П. С. Р. Л., I, 204—206, III, 52 и 53, IV, 35, 36 и 179, V, 2—6, 176—179 и 227, VII, 146—149 и 216, и XV, 376—380.

17) Въ древнѣйшихъ нашихъ лѣтописяхъ прозванія *Невскаго* не встрѣчается; оно находится въ Степенной книгѣ, составленной, какъ извѣстно, въ царствованіе Іоанна Грознаго, и во второй половинѣ Воскресенской лѣтописи, сохранившіеся списки которой относятся къ XVI и XVII столѣтіямъ.

18) Причина ссоры неизвѣстна. Кн. Щербатовъ думалъ, что Александръ обратилъ тогда новгородскія *пожни* (сѣнные покосы) на государя, такъ какъ новгородцы въ грамотѣ своей, писанной къ тверскому князю въ 1263 году, говорятъ: «а что былъ отъялъ братъ твой Александръ пожнѣ, а то ти, княже, не надобѣ». Но Александръ могъ это сдѣлать и гораздо позже. (Карамзинъ, IV, прим. 29).

19) П. С. Р. Л., III, 53, IV, 36, 37 и 179, V, 4 и 179, VII, 149 и XV, 381.

20) Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано, что Александръ послѣ этого уѣхалъ къ отцу, отъ котораго возвратился, узнавъ, что нѣмцы взяли Псковъ (П. С. Р. Л., V, 180 и VII, 149 и 150). Но, во-первыхъ, Псковъ былъ взятъ ливонскими рыцарями еще въ 1240 году; а во-вторыхъ, въ Лаврентьевской лѣтописи, Псковской Второй, Софійской Первой и Воскресенской (I, 201, V, 4 и 180, и VII, 150) сказано, что Ярославъ прислалъ Александру брата его Андрея съ дружиною; слѣдовательно Александръ не возвращался съ Андреемъ въ Новгородъ. О наказаніи бунтовщиковъ см. Карамзина, IV, прим. 30.

21) Передъ походомъ къ Пскову, нѣкоторые лѣтописи (П. С. Р. Л., IV, 37 и 179) указываютъ еще на поѣздку Александра

къ Батыю, съ чѣмъ соглашается и Соловьевъ (III, 837); но, во-первыхъ, если въ 1241 году Александръ бралъ Копорье, а въ 1242 году освобождалъ Псковъ, то не слишкомъ ли мало приходится времени на путешествіе въ орду; а во-вторыхъ, посланіе Батыя къ Александру въ 1246 году и тогдашній пріемъ новгородскаго князя въ ордѣ скорѣе указываютъ на первую поѣздку, чѣмъ на вторичную; или въ 1242 г. Александръ, бывъ въ ордѣ, не видѣлъ Батыя. Карамзинъ также первую поѣздку относитъ къ 1246 году (IV, 40, прим. 34). См. также А. В. Экземплярскаго, I, прим. 85.

22) *Пусти вся полки своя въ зажитія*, сказано въ лѣтописяхъ (П. С. Р. Л., III, 53, V, 180 и VII, 150); князь Щербатовъ полагаетъ, что Александръ распустилъ войско по домамъ, не ожидая нападенія нѣмцевъ зимою, и что рыцари, воспользовавшись этимъ, убили Домаша. Карамзинъ же (IV, прим. 31) объясняетъ слова лѣтописца тѣмъ, что новгородцы разъѣхались для собранія жизненныхъ припасовъ. Въ Софійской Первой, Воскресенской и Тверской лѣтописяхъ (П. С. Р. Л., V, 180, VII, 150 и XV, 382) сказано, что съ нѣмцами была *помочь королева*. Карамзинъ считаетъ это вымысломъ (тамъ же).

23) *На Узмени, у Воронія камени* (П. С, Р. Л., III, 53, IV, 37, V, 180, VII, 150 и XV, 382) — урочище на Чудскомъ озерѣ.

24) Въ сказаніи современника о подвигахъ Александра (П. С. Р. Л., V, 180) эта битва описана въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «съступишаяся обои полци; Нѣмци же и Чюдь пробишася свиніею (острою колонною) сквозѣ полкы и бысть ту сѣча зла и велика Нѣмцамъ и Чюди, и трускъ отъ копей ломленія и звукъ отъ мечнаго сѣченія, якоже морю померзшю двигнутися, и не бѣ видѣти леду, покрыло бо есть все кровію; и даша ратніи плещи своя, и сѣчахуть я гоняще акы по аеру, и не бѣ имъ камо утещи и биша ихъ на семи верстахъ по леду до Суболичьскаго берега». Откуда же взяли: Карамзинъ, что *Александръ, ударивъ на непріятелей съ боку, замѣшалъ ихъ* (IV, 20), а Соловьевъ, что *нѣмцы и чудь погнали уже бѣгущихъ русскихъ, какъ Александръ обогналъ враговъ съ тыла и рѣшилъ дѣло въ свою пользу* (III, 836)?

25) Въ лѣтописяхъ: Новгородской Первой, Софійской Первой и Воскресенской сказано: *Суболичьскаго* (П. С. Р. Л., III, 54, V, 181 и VII, 151), въ Новгородской Четвертой — *Соболицькаго* (IV, 37), въ Псковской Первой — *Собилитцкого* (IV, 179) и въ Тверской—*Суполичского* (XV, 383).

26) Въ Новгородской Первой лѣтописи показано 400 (П. С. Р. Л., III, 54), а въ Тверской—531 (тамъ же, XV, 383).

27) Здѣсь въ Псковскихъ лѣтописяхъ (П. С. Р. Л., IV, 180 и V, 4) вставлена рѣчь Александра къ псковичамъ, въ кото-

рой онъ, обращаясь къ нимъ, говоритъ: «О псковичи, если вы забудете сдѣланное мною, то уподобитесь жидамъ; а если не примете кого-либо изъ моихъ потомковъ, то будете вторыми жидами». Въ другихъ лѣтописяхъ эти слова приписаны самому лѣтописцу, что гораздо правдоподобнѣе. Не могъ же Александръ самъ восхвалять своихъ подвиговъ. Неизвѣстно, долго-ли, дѣйствительно, помнилъ эту побѣду освобожденный Псковъ, но въ Новгородѣ, даже въ концѣ XVI вѣка, всенародно молились въ храмахъ объ упокоеніи павшихъ въ *Ледовомъ бою*, какъ видно изъ дошедшихъ до насъ новгородскихъ синодиковъ (Рукоп. синод. въ б. М. П. Погодина; см. Врем. М. Общ. Ист. и Др., 1849, IV, 13). Послѣ Невской битвы и Ледоваго побоища, говоритъ Костомаровъ, мысль о порабощеніи сѣверныхъ русскихъ земель навсегда оставила нѣмцевъ (Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, соч. Н. Костомарова, Отд. I, Спб. 1873, стр. 158).

28) Карамзинъ, IV, 20, прим. 33. Во время заключенія мира, Александра не было въ Новгородѣ. Карамзинъ полагаетъ (IV, прим. 34), что онъ былъ или въ Псковѣ, или у отца своего. Соловьевъ утвердительно говоритъ (III, 836), что Александръ ѣздилъ во Владиміръ прощаться съ отцемъ, отправлявшимся въ орду. Это послѣднее мнѣніе, конечно, правдоподобно, такъ какъ Ярославъ Всеволодовичъ, дѣйствительно, въ это время ѣздилъ къ Батыю; но положительнаго указанія на поѣздку сына его во Владиміръ въ лѣтописяхъ нѣтъ. Александръ, во время заключенія мира, могъ быть и въ походѣ противъ литовцевъ, въ который онъ отправился, по словамъ лѣтописца, *послѣ Ледоваго боя въ то же лѣто.*—П. С. Р. Л., I, 201 и 225, III. 53 и 54, IV, 37, 179 и 180, V, 4, 10 и 179—181, VII, 149—151 и XV, 380—384.

29) Гостившаго, кажется, у дѣда, Брячислава Полоцкаго, которому могъ принадлежать Витебскъ (Карамзинъ, IV, прим. 35).

30) П. С. Р. Л., III, 54, IV, 37 и 38, V, 4, 181 и 182, VII, 151 и 152, и XV, 385 и 386.

31) П. С. Р. Л., V, 5 и 186, и XV, 393.

32) По нѣкоторымъ лѣтописямъ (П. С. Р. Л., I, 201, III, 54, VII, 157 и XV, 393), какъ было уже замѣчено (примѣч. 21), Александръ въ 1246 году въ первый разъ отправился къ Батыю, а отъ него въ Монголію: по другимъ же свидѣтельствамъ (тамъ же, IV, 37 и 179), это было второе путешествіе Александра въ орду и онъ съ береговъ Волги вернулся въ Россію (тамъ же, V, 5 и 186 и XV, 393 и 394).

33) Карамзинъ, IV, 42.

34) Исторія Россійская, соч. Татищева; М. 1768—1784—1848, III, 22.

35) Соловьевъ; III, 838.

36) Татищевъ (IV, 22) говоритъ, что въ 1249 году Александръ отправился въ Новгородъ и оттуда хотѣлъ идти въ Кіевъ; но былъ удержанъ новгородцами, представлявшими ему опасности отъ татаръ на югѣ. Между тѣмъ, по свидѣтельству лѣтописей (П. С. Р. Л., II, 51, III, 54, IV, 38, V, 186 и XV, 396). Александръ возвратился въ Новгородъ въ 1250 г.

37) Карамзинъ; IV, 43, прим. 85. Соловьевъ, III. 843, пр. 1.

38) П. С. Р. Л., V, 5 и 187, и XV, 397.

39) Далинъ пишетъ, что Гаконъ учтивымъ образомъ отклонилъ предложеніе Александра, не желая выдать дочери за данника татаръ; но въ лѣтописяхъ норвежскихъ сказано, что набѣги татаръ на Россію помѣшали тогда заключенію брачнаго договора. Это было въ 1252 г. (Карамзинъ; IV, 44, прим. 87).

40) П. С. Р. Л., I, 201, 202 и 226, II. 341, III, 54, 55 и 220, IV, 38, V, 5 и 186, и VII, 156, 157 и 159.

41) Татищевъ, IV, 24. Справедливость этого извѣстія подтверждается: 1) словами Андрея: «Господи! что се есть, доколѣ намъ межъ собою бранитися и наводити другъ на друга татаръ»; 2) Александръ былъ въ это время въ ордѣ и взялъ старшинство отъ хана; если-бы онъ не былъ противъ брата, то почему не умилостивилъ Сартака, какъ умилостивлялъ его послѣ, по случаю возстаній народныхъ? 3) бѣгство Андрея въ Швецію и радушный пріемъ со стороны шведовъ также показываютъ, что они видѣли въ Андреѣ врага Александрова. Предположеніе кн. Щербатова, что всему виною былъ дядя Святославъ, не имѣетъ основанія, потому что Святославъ былъ въ ордѣ въ 1250 году и не получилъ отъ передвиженія удѣловъ никакой пользы. Связь между событіями, выставленная въ Степенной книгѣ (I, 367) и принятая Карамзинымъ, не держится (Соловьевъ; III. 838, прим. 7). Бестужевъ-Рюминъ (Русская Исторія, Спб., 1872, I, 288) находитъ это извѣстіе лѣтописей неяснымъ. Въ Густинской лѣтописи (II, 348) сказано, что Александръ въ ордѣ «*упроси* себѣ княженіе надъ всею Русскою и Московскою землею, и надъ всѣми князи».

42) Если семейство Ярослава попало въ Переяславль, который былъ удѣломъ Александра, то должно полагать, что Ярославъ былъ за одно съ Андреемъ противъ Александра и овладѣлъ удѣломъ послѣдняго; это предположеніе тѣмъ болѣе правдоподобно, что Ярославъ и послѣ былъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ старшимъ братомъ. По Густинской лѣтописи (П. С. Р. Л., II, 342), татары взяли въ полонъ жену и дѣтей Андрея Ярославича, что не вѣрно.

43) Татищевъ; IV, 27.—П. С. Р. Л., I, 202, 226 и 252, II, 342, IV, 38, V, 5, 186 и 187, VII, 159, 160 и 236, и XV, 396 и 397.

44) П. С. Р. Л., I, 202, II, 342 и VII, 160. По Густинской лѣтописи (II, 342), Андрей бѣжалъ изъ Владиміра уже по возвращеніи Александра изъ орды.

45) По нѣкоторымъ извѣстіямъ въ Ладогу (П. С. Р. Л., I, 203 и 226).

46) По свидѣтельству Лаврентьевской лѣтописи (П. С. Р. Л., I, 203), новгородцы, передъ изгнаніемъ Василія, посылали къ Александру епископа Далмата *съ грамотами яко о миру*, но Далматъ, неизвѣстно почему, медлилъ своей поѣздкой. Бестужевъ-Рюминъ (Русская Исторія; I, 324) свидѣтельствуетъ, что новгородцы въ 1253 (а не въ 1255) году, по изгнаніи Василія, взяли къ себѣ Ярослава Володиміровича, племянника Мстислава Мстиславича. Но откуда почтенный историкъ взялъ это извѣстіе? Во-первыхъ, оно не согласно ни съ нашими лѣтописями (П. С. Р. Л. Ш, 55, V, 188, VII, 160 и XV, 398), ни съ изслѣдованіями другихъ ученыхъ; а во-вторыхъ, самое имя Ярослава Володиміровича упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ въ послѣдній разъ подъ 1245 годомъ, въ битвѣ съ литовцами подъ Торопцемъ.

47) Въ лѣтописяхъ: Новгородской Первой (Ш, 55) и Тверской (XV, 399) сказано: «ввести князя на *своей* воли»; а въ Софійской Первой (V, 188) и Воскресенской (VII, 160) — «ввести князя на *всей его* воли». Соловьевъ держится первой редакціи, какъ болѣе соотвѣтствующей обстоятельствамъ того времени (Ш, 840).

48) Въ требовательности и настойчивости Александра Костомаровъ видитъ начало подавленія новгородской вольности великокняжескою властью, опирающеюся на ханскія полномочія (Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ, стр. 165.) — П. С. Р. Л., I, 202, 203 и 226, II, 342, Ш, 55 и 56, IV, 38, V, 188, VII, 160 и 161 и XV, 398 и 399.

49) На основаніи русскихъ лѣтописей (П. С. Р. Л., Ш, 56 и V, 188), пришли строить крѣпость: Свѣи, Емь, Сумь, Дидманъ и Чудь. Карамзинъ полагаетъ (IV, 47, прим. 93), что подъ Дидманомъ нужно разумѣть ливонскаго магистра. Арцыбашевъ же думаетъ (II, прим. 175), что Дидманъ былъ извѣстный датскій вассалъ. Послѣднее мнѣніе вѣроятнѣе, потому что ливонцамъ не для чего было уходить за море. Соловьевъ сомнѣвается (Ш, 843, прим. 3), чтобы въ этой экспедиціи принимали участіе шведы; но во-первыхъ, въ лѣтописяхъ они названы; а во-вторыхъ, изъ-за чего же Александръ вслѣдъ затѣмъ пошелъ въ Свѣйскую землю.

50) По свидѣтельству шведскихъ историковъ, нѣкоторые изъ финляндцевъ держали сторону русскихъ, потому что были недовольны правленіемъ шведовъ и насильственными ихъ поступками (Карамзинъ; IV, 47).

51) По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Василій былъ посаженъ въ Новгородѣ въ 1256 году (П. С. Р. Л., V, 189 и VI, 161).

52) П. С. Р. Л., I, 203, III, 56, IV, 38, V, 188 и 189 и VII, 161.

53) По Лаврентьевской лѣтописи (П. С. Р. Л., I. 203), Александръ въ 1256 году ѣздилъ въ Городецъ и Нижній-Новгородъ и посылалъ съ княземъ Борисомъ дары къ Улавчію.

54) Время народной переписи, происходившей при Александрѣ, опредѣляется въ лѣтописяхъ различно: Густинскою (П. С. Р. Л., II, 342)—1254 годомъ, Софійскою Первою и Воскресенскою (тамъ же, V, 188 и VII, 161)—1255 г., Новгородскою Четвертою и Тверскою (тамъ же, IV, 38 и XV. 401)—1256 г., и Лаврентьевскою и Троицкою (тамъ же, I, 203 и 226)—1257 г. Это разногласіе происходитъ, отчасти, отъ различія въ лѣтосчисленіи.

55) Соловьевъ (III, 841) думаетъ, не былъ ли это тотъ Миша, который такъ храбро бился со шведами на берегахъ Невы. По Карамзину (IV, 49), Александръ, по изгнаніи Василія изъ Пскова, оставался въ Новгородѣ; а по Соловьеву (III. 841), онъ уѣзжалъ оттуда. Хотя въ лѣтописяхъ не сказано, чтобы великій князь уѣхалъ въ свою отчину; но нѣтъ и прямого свидѣтельства, чтобы онъ оставался въ Новгородѣ до 1259 года.

56) Карамзинъ (IV, прим. 102) говоритъ, что Войщина—нынѣ Боево. Арцыбашевъ (II, прим. 208) замѣчаетъ: «мы не знаемъ Войщины; Боево же—мѣстечко могилевской губерніи, оршанскаго повѣта».

57) По Лаврентьевской лѣтописи (П. С. Р. Л., I, 203), татарскіе численники, передъ поѣздкой своей въ Новгородъ и послѣ нея, заѣзжали во Владиміръ. Кромѣ того, къ 1258 году отнесены поѣздка Александра въ орду и народная перепись въ Новгородѣ. Точно также и по свидѣтельству Воскресенской лѣтописи (тамъ же, VII, 162), Александръ, послѣ изгнанія Василія изъ Пскова, ѣздилъ въ орду, въ 1258 году. Это разногласіе происходитъ, кажется, отъ различія въ лѣтосчисленіи. Татаръ называли *безбожными сыроядцами*, отъ употребленія ими въ пищу сыраго мяса.

58) Нигдѣ не упоминается, чтобы ханъ держалъ въ Новгородѣ баскаковъ (Карамзинъ, IV, 50, прим. 99).

59) По Лаврентьевской лѣтописи, Александръ, на возвратномъ пути во Владиміръ, заѣхалъ, въ среду на страстной недѣлѣ, въ Ростовъ и посѣтилъ вдову своего двоюроднаго брата, Василько Константиновича, Марію, и дѣтей ея Бориса и Глѣба (П. С. Р. Л., I. 203). По Троицкой лѣтописи, «князь Александръ *бѣжа* изъ Новгорода, пріѣха въ Ростовъ на средокрестье», т.-е. въ среду на средокрестной недѣлѣ (тамъ же, I, 226). Въ Твер-

ской лѣтописи указана также средокрестная недѣля (тамъ же, XV, 401). О посѣщеніи Александромъ Ростова см. Иловайскаго; Исторія Россіи, М. 1880, т. I, ч. 2, стр. 423.

60) П. С. Р. Л., I, 203 и 226. II, 342, III, 56 и 57, IV, 38 и 39, V, 188—190, VII, 161 и 162, и XV, 401.

61) По Соловьеву (III, 842), это была *четвертая* поѣздка Александра въ орду (1242, 1246, 1252 и 1262 гг.). Того же мнѣнія держится и А. В. Экземплярскій (I, 38), хотя въ своемъ трудѣ приводитъ ихъ *пять* (1246, 1252, 1257, 1258 и 1262 гг).

62) Кромѣ того, въ этомъ походѣ принималъ участіе Тройнатъ Жмудьскій (Соловьевъ, III. 844).

63) П. С. Р. Л., I, 204 и 226, III, 57 и 58, IV, 39 и 180, V, 5, 190 и 191, VII, 162 и 163, и XV, 402.

64) Арцыбашевъ, II, прим. 1207.

65) Въ Воскресенской лѣтописи (П. С. Р. Л., VIII, 221 и 222), по тремъ различнымъ ея спискамъ: Парижскому (означенному буквою П), Карамзинскому (означенному буквою К) и Синодальному (означенному буквою С). сохранилось еще слѣдующее извѣстіе о бывшемъ, въ 1491 году, въ г. Владимірѣ пожарѣ:

По Парижскому и Карамзинскому спискамъ:

Въ лѣто 6999 (1491). Тое же весны маіа въ 23 (день К.), въ понедѣльникъ, згорѣ градъ Володимеръ весь и съ посады, и церковь Пречистые Рожество въ монастырѣ внутри града выгорѣ и тѣло великаго князя Александра Невскаго згорѣ (выгорѣ П).

По Синодальному списку:

Въ лѣто 6999 (1491), маія въ 23, въ понедѣльникъ, въ преименитомъ градѣ Владимери..., въ полдень дни того таковъ великъ пожаръ бысть, яко весь градъ и со всѣми домы згорѣ, такоже и посады; еще же во градѣ томъ и самый пречестный той вышереченный монастырь Пречистыя Рожества погорѣ. Въ церковь же ту собрашася множество инокихъ и мірскихъ, со множествомъ имѣніемъ, и абіе Божіимъ попущеніемъ и внутри церкви тоя все выгорѣ и съ людми, и чюдотворныя же мощи святаго и праведнаго великаго князя Александа Ярославича, на нихъ же аще и бысть видѣти нѣчто огненаго знаменія, но обаче Богомъ тако сохранени быша, яко и пелена, иже бяше во гробѣ его, обрѣтеся невредима отъ непостояннаго того огня.

66) По свидѣтельству Карамзина (IV, 58, прим. 110), въ церкви Рождества Христова владимірскаго Успенскаго монастыря стоятъ три гроба съ слѣдующими надписями: первый—*великія княгини Александры, супруги благовѣрнаго князя Александра Невскаго*, второй—*дщери его, княгини Евдокеи*; а третій (на лѣвой сторонѣ)—*благовѣрныя княгини Вассы, вторыя супруги Александра Невскаго.* Кромѣ того, наверху сребропозлащенной раки, въ которой почивали мощи св. Александра Невскаго, во Владимірѣ, съ 1697 года, была сдѣлана надпись, содержавшая краткое жизнеописаніе великаго князя, причемъ супругою его была названа Васса Полоцкая (Святый благовѣрный великій князь Александръ Ярославичъ Невскій. Соч. М. Хитрова. М. 1893 г., стр. 196, прим. 423). М. Д. Хмыровъ (Алфавитно-справочный перечень государей русскихъ, 1870, № 12), однако, сомнѣвается въ существованіи этой Вассы. Того же мнѣнія держится и А. В. Экземплярскій (I, 39, пр. 108). Но Бестужевъ-Рюминъ допускаетъ вступленіе Александра во второй бракъ (Русскій Біографическій Словарь; Спб. 1896, т. I, стр. 126).

67) Есть извѣстіе, что у Александра былъ еще пятый сынъ, также Даніилъ, умершій въ 1258 г.; но это извѣстіе ни на чемъ не основано (А. В. Экземплярскій, I, прим. 109).

68) Въ уклончивой политикѣ Александра, въ отношеніи къ татарамъ, Костомаровъ видитъ передоваго человѣка того времени (Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ, стр. 159 и 169). Этого же взгляда придерживается и Бестужевъ-Рюминъ (Русская Исторія, I, 290). Иловайскій (Исторія Россіи, т. I, ч. 2, стр. 410) находитъ, что Александръ Невскій принадлежитъ къ тѣмъ историческимъ дѣятелямъ сѣверной Руси, въ которыхъ наиболѣе отразились основныя черты великорусской народности: практическій умъ, твердость воли и гибкость характера или умѣнье сообразоваться съ обстоятельствами.—П. С. Р. Л., I, 204 и 226, II, 343, III, 58, IV, 39 и 180, V, 5, 6 и 191, VII, 163 и 164, VIII, 221 [illegible] 403

шедшая, въ томъ же 1869 году, отдѣльнымъ оттискомъ въ 91 страницу). Въ указѣ, объявленномъ Адмиралтействъ-Коллегіею 25 Августа 1724 года, между прочимъ, сказано: «капитану Мишукову приказали быть и команду имѣть на яхтѣ *Елизабетъ* и идти, для принесенія мощей св. Александра Невскаго, въ Шлиссельбургъ» (Матеріалы для исторіи русскаго флота; Спб., 1867, ч. IV, стр. 668).

73) Перв. Полн. Собр. Зак. Росс. Имп.; т. VII, № 4241; примѣчаніе.

74) Сочиненія Ломоносова, изд. Императ. Академіи Наукъ, Спб., 1891, т. I, стр. 208, прим., стр. 403—405.

75) Жизнь Александра Невскаго, въ иночествѣ Алексія; Спб., 1853, стр. 102.—Св. благовѣрн. вел. князь Александръ Ярославичъ Невскій. Соч. М. Хитрова. М. 1893, стр. 203 и 204.

ЧТЕНІЯ ДЛЯ НАРОДА,

составленныя

И. С. РЕМЕЗОВЫМЪ.

I. Русскіе святые:

Сказаніе о подвигахъ первой русской великой княгини-христіанки св. Ольги (съ изображеніемъ), изд. 2-е. Спб. 1891, стр. 62 . . . . 10 к.

Сказаніе о подвигахъ св. Владиміра Равноапостольнаго (съ изображеніемъ), изд. 3-е. Спб. 1887. стр. 92. . . . . 10 »

Сказаніе о подвигахъ св. Александра Невскаго (съ изображеніемъ), изд. 6-е. Спб. 1897, стр. 62. 10 »

II. Русскіе простолюдины:

Костромской крестьянинъ Иванъ Сусанинъ (съ рисункомъ), изд. 4-е. Спб. 1889, стр. 62. . . 10 »

Московскій крестьянинъ-мыслитель И. Т. Посошковъ (съ рисункомъ). Спб. 1883, стр. 110 . . . 10 »

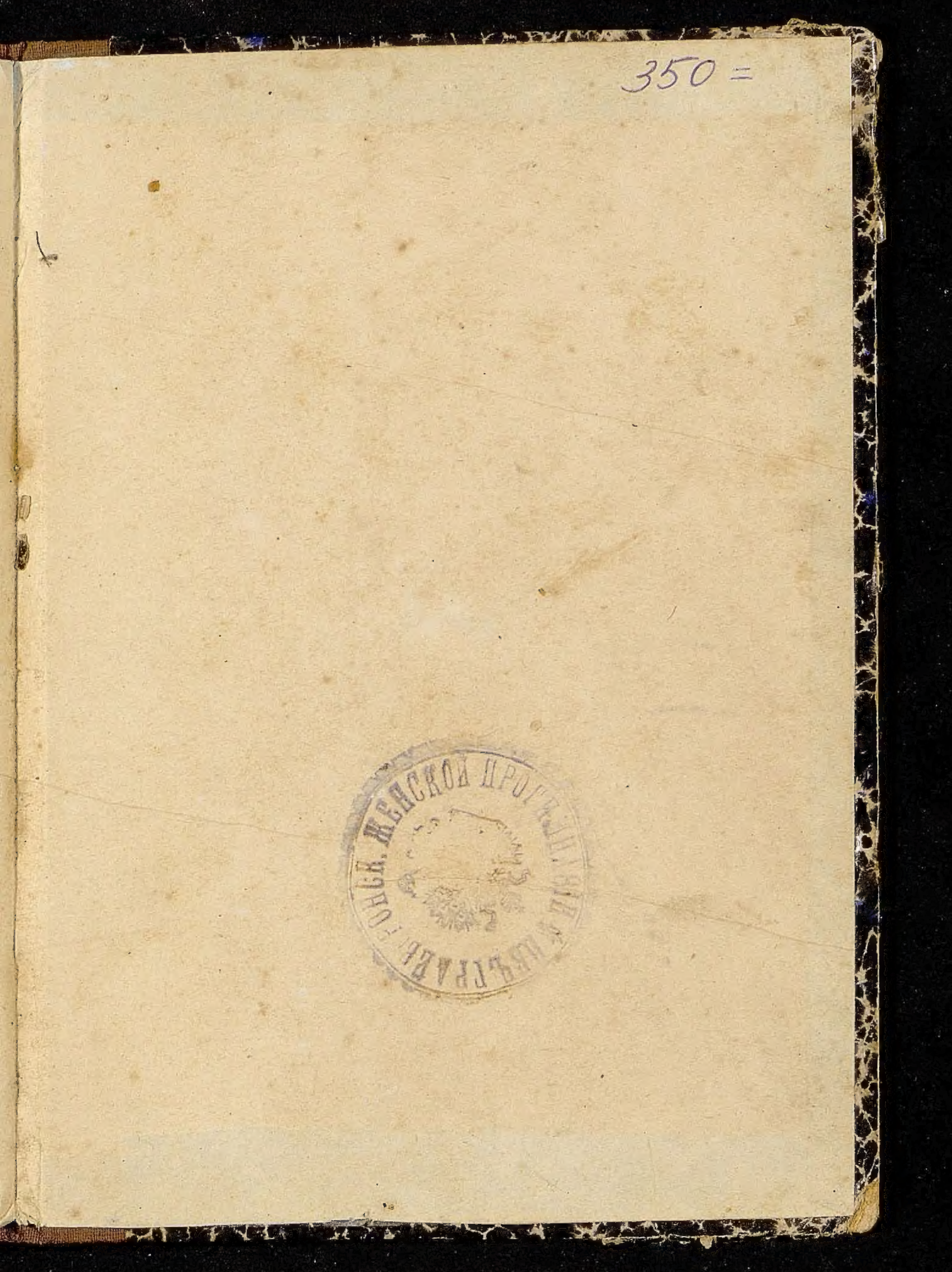
Нижегородскій механикъ - самоучка И. П. Кулибинъ (съ портретомъ), изд. 6-е. Спб. 1894, стр. 48. . . . . 10 »

Арзамасскій мѣщанинъ-иконописецъ А. В. Ступинъ (съ портретомъ), изд. 2-е. Спб. 1897, стр. 32. 10 »

Ярославскій крестьянинъ-стихотворецъ Ф. Н. Слѣпушкинъ (съ портретомъ), изд. 3-е. Спб. 1884, стр. 48. . . . . 10 »

Курскій астрономъ-самоучка Ф. А. Семеновъ (съ портретомъ), изд. 2-е. Спб. 1889, стр. 48 . 10 »

---

350 =
ЖЕНСКОЙ ПРО

